

Анит Кейр

18+

Сумрак

Вечной

Крови

Проклятые Вечностью

Анит Кейр

Сумрак Вечной Крови

«Автор»

2026

Кейр А.

Сумрак Вечной Крови / А. Кейр — «Автор»,
2026 — (Проклятые Вечностью)

В мире, разделенном порталами, нет места людям. Но есть место мести и страсти. Она спряталась, чтобы выжить. Он убил всех, чтобы отомстить. Вампир Лорд Кайрос Хейд, безжалостный хозяин Сумеречных земель, не заметил лишь одно сердце - едва бьющееся сердце Элисабэтты. Пораженный её красотой и необычным даром, он забирает человеческую девушку с собой, предлагая сомнительную честь стать ученицей. В мрачных стенах Цитадели их отношения превращаются в опасную игру, но с каждым днем грань между ненавистью и влечением стирается. Бэтта перестает быть просто пленницей, а Кайрос - просто тюремщиком. Их опасное противостояние вот-вот перерастет в страсть, но Сумрачный мир хранит тайны, способные разрушить всё. Прошлое, о котором Элисабэтта не подозревает, связывает её с лордом Хейдом крепче любых уз - нитями древней крови и забытой мести. И когда правда выйдет наружу, пламя их страсти может сжечь дотла обоих.

© Кейр А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Прах и шёлк	9
Глава 2. Брешь в тишине	13
Глава 3. Ужин в сумерках	17
Глава 4. Сумеречный монолог	23
Глава 5. Уроки из тьмы	26
Глава 6. Чужой в зеркале	30
Глава 7. Правила силы	34
Глава 8. Чаша терпения	38
Глава 9. Вкус страха, искра ненависти	43
Глава 10. Не рукоять, а лезвие	45
Глава 11. И свергнуты чёрные оковы	49
Глава 12. Аквизиция	54
Глава 13. Прекрасное в ужасном	58
Глава 14. Последствия и союзники	61
Глава 15. Тактика выживания	64
Глава 16. Испытание на волеизъявление	67
Глава 17. Кровавый камень в фундаменте	71
Глава 18. Уроки пепла и яда	74
Глава 19. В недрах правды	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Анит Кейр

Сумрак Вечной Крови

Пролог

Тьма, спустившаяся на деревушку у черты леса, была неестественной. Она не была простым отсутствием солнца — это был живой, густой сумрак, вырвавшийся из чащи и поглотивший последние проблески сумерек. Его спутником стал ледяной, пронизывающий дождь, который не очищал воздух, а лишь смешивался с запахами влажной земли, древесного дыма и... медной остротой крови.

Тишины больше не было.

Её разрывали на клочья: душераздирающие крики, приглушённые одним ударом; отчаянный плач детей, внезапно обрывающийся; жуткое, слизкое шипение и удовлетворённое чавканье. А ещё громкие, влажные удары по дереву и грязи.

Это были не предметы.

Это были тела.

Трупы в простой крестьянской одежде, забрызганной грязью и алым, устлали единственную улицу, дворы, пороги домов. Их пустые глаза, залитые дождём, смотрели в чёрное небо, не находя ответа.

Война, которую деревня не ожидала и которую не могла выдержать, длилась недолго. Нападение было стремительным и безжалостным. Тени отделялись от большей тени леса, двигаясь с невозможной, кошачьей грацией. Их было человек десять, не больше. Но этого хватило. Жители, застигнутые врасплох за ужином, оказались не стадом баранов, а роем разгневанных пчёл. Беспорядочным, жужжащим от ужаса и отчаянно жалящим.

Кто-то хватал вилы и косы, кто-то пытался бежать в лес. Но пчелиные жала не могли проткнуть каменную кожу, а ноги крестьян не могли сравниться со скоростью вспышки летучей мыши. Резня превратилась в бойню, а бойня — в тихую охоту.

Вскоре криков стало меньше. Теперь слышался лишь дождь, приглушённое рычание, да редкие, последние стоны.

В эпицентре этого ада, в одном из ещё целых, но разграбленных домов, царила звенящая, обманчивая тишина. Внутри пахло разлитым квасом, съестными припасами и страхом. Именно сюда, не обращая внимания на хаос снаружи, вошёл он.

Высокий, статный, закутанный в длинный плащ из чёрной, словно вороново крыло, ткани, он ступал медленно, почти небрежно. Его тяжелые и размеренные шаги отстукивали мрачный марш по скрипучим половицам. Под плащом угадывались дорогие, строгого кроя одежды, а лицо, бледное и прекрасное, как работа мастера-ваятеля из самого холодного мрамора, оставалось бесстрастным. Только глаза, глаза цвета старой крови или дорогого коньяка, тёмно-золотистые, внимательно скользили по углам, цеплялись за детали разгрома: опрокинутый стол, разбитый горшок с остатками варева, кусок чёрного хлеба, упавший в лужу.

Он прислушивался.

Не к затихающей вакханалии на улице, а к дому. К его тишине. Казалось, он слышал, как оседает пыль, как дождь выбивает дробь по ставням, как где-то за стеной падает последняя капля со свечи. Его слух, отточенный веками, был острее любого клинка. Он отфильтровывал ненужный шум, ища одно — лёгкий, живой стук.

Биение сердца.

— Кажется, здесь чисто, — произнёс он наконец, и его низкий, бархатный голос прозвучал в пустоте комнаты неприлично громко. Он был обращён к дверям. На пороге материализовались две тени, такие же высокие, смертельно бледные, но лишённые его аристократичной выдержки. На их губах и под ногтями ещё атели свежие следы пиршества. — Работа окончена. Покиньте это место. Ждите меня у опушки.

Тени, не проронив ни слова, растворились снова. Мужчина медленно направился к выходу, его плащ волочился по грязному полу. Рука уже тянулась к скобе двери, но вдруг он замер. Совершенно неподвижно, как изваяние.

Поворот головы через плечо был плавен и неестественен, как у совы. Его тяжёлый и пронзительный взгляд устремился вглубь дома, в тёмный проём, ведущий, судя по всему, в спальню. Он что-то уловил. Что-то, что не совпадало с картиной полной смерти.

Медленно, почти церемониально, он развернулся и пошёл назад. Его шаги теперь звучали иначе, не как марш, а как отсчёт времени, опущенного кому-то невидимому. Он миновал главную комнату, вошёл в небольшую горницу. Здесь был простой деревянный шкаф для одежды, кровать с соломенным тюфяком, маленькое окошко.

И снова тишина.

Но для него она уже не была пустой. В самом её центре, приглушённое толстой древесиной и тряпьем, стучало.

Стучало отчаянно, часто, как крылья пойманной птицы.

Тук-тук-тук-тук.

Слабый, живой ритм жизни, запертый в темноте.

Не дыша, он вплотную подошёл к шкафу. Его ноздри слегка дрогнули, улавливая ароматы: запах пота, древесной смолы, овечьей шерсти... и под ним другой, тонкий, едва уловимый.

Запах чистой, незамутнённой страхом (пока ещё) крови.

Запах молодости.

Запах девушки.

На его лице не дрогнул ни один мускул, но в глубине тех древних глаз что-то шевельнулось. Холодное любопытство хищника, нашедшего не просто добычу, а нечто... неожиданное.

Его рука в чёрной перчатке медленно поднялась, взялась за холодную железную ручку. И резко, одним движением, отворила дверцу.

И он увидел её.

В тесном пространстве, среди висящих грубых рубах и юбок, стояла, прижавшись в угол, она. И вся его бесконечная жизнь, все его шестьсот лет, наполненные встречами с королевами, куртизанками, знатными дамами и простолюдинками — всё это мгновенно обратилось в пыль.

Он замер, и эта минута растянулась в вечность.

А её сердце пустилось в галоп.

Её кожа была фарфоровая, хрупкая, почти сияющая изнутри. В полумраке шкафа она действительно светилась, как лунный свет, пробивающийся сквозь облака. Длинные волосы цвета тёмного шоколада, с рыжеватыми искорками, какими они бывают у каштана на солнце, рассыпались по плечам.

А глаза...

Огромные, широко раскрытые от ужаса, они были ярко-зелёными, как самые глубокие и чистые изумруды, или как молодая трава после первого весеннего дождя. В них плескался целый океан эмоций: животный страх, отчаянная решимость, недоумение и неподдельная, чистая жизнь.

Девушка судорожно ловила ртом воздух; с каждым её прерывистым вдохом грудь высоко вздымалась под простой, но оттого не менее красивой сорочкой, украшенной скромным кружевом. Она смотрела на него, не моргая, будто пытаясь понять призрак ли перед ней, человек

или сам дьявол, сошедший с церковной фрески, пугавшей её с детства. В иной ситуации она, возможно, отметила бы его странную, отталкивающую и притягивающую хищную красоту: идеальные черты, густые и чёрные как смоль волосы, собранные у затылка, те гипнотические, горящие в темноте глаза.

Но сейчас её мир сузился до этого взгляда и до собственного бешеного сердца, готового вырваться из груди.

Он, всё ещё находясь во власти ошеломляющего впечатления, машинально сделал маленький, осторожный шаг вперёд. Его рука, уже без перчатки (когда он её снял?), поднялась. Длинные, изящные пальцы медленно потянулись к её щеке, желая ощутить, реальна ли эта лунарная плоть, или это мираж, порождённый дождём и смертью.

И это движение стало спусковым крючком.

Девушка, доведённая до предела, инстинктивно рванулась. Из складок её юбки, откуда он и не ждал, в её маленькой ладони сверкнул короткий, но острый кухонный нож, тот самый, которым она ещё несколько часов назад резала хлеб. Со сдавленным, почти животным звуком она замахнулась, целясь ему в горло или в грудь.

Его реакция была нечеловеческой. Не ускоряясь, без суеты, он просто переместил руку, и его пальцы, холодные и твёрдые как сталь, сомкнулись вокруг её тонкого запястья с такой силой, что она вскрикнула от боли.

Удар не состоялся.

Он даже не посмотрел на клинок. Его глаза, не отрываясь, держали её в плену. Он чуть сильнее, с непререкаемой силой, сжал её руку, и нож с глухим стуком упал на пол, подскочив и замерев рядом с его сапогом.

Теперь между ними не было преград. Он смотрел ей прямо в глаза, и его взгляд из холодного стал тяжёлым, вязким, как мёд. В нём была не просто сила, но древняя, гипнотическая воля, против которой не мог устоять ни один смертный.

— Успокойся, — прозвучал его голос, но губы, казалось, не шевелились. Тихие и властные слова возникали прямо у неё в голове. — Успокойся. Спи.

Борьба в её изумрудных глазах стала угасать. Паника и ярость отступили, сменившись пустотой и покорностью. Дыхание выровнялось, веки задрожали. Мышцы ослабли, и она начала медленно, как подкошенный колос, оседать на пол. Её глаза закрылись в последний раз, прежде чем сознание полностью отпустило её.

Но она не упала.

Он поймал её в тот же миг, когда её тело обмякло.

Он взял её на руки легко, словно она была пухом, а не живым, дышащим существом. Она безвольно свесила голову на его плечо, и шоколадно-каштановые волосы водопадом спали на чёрную ткань его плаща. Кремовая сорочка выделялась бельмом на черном фоне его одежды.

Он вышел из дома, из этого жалкого укрытия, несущего теперь лишь запах смерти.

Улица встретила их всё тем же адским хором, но теперь он был на исходе. Дождь хлестал по лицу, ветер свистел в разбитых окнах. Мимо пронеслась одна из его тварей, с окровавленным ртом, и остановилась, с любопытством глядя на ношу в его руках. Во взгляде промелькнул немой вопрос, даже намёк на голод. Но стоило ему встретиться со взглядом Господина, как тварь поникла и, шипя, отскочила в тень.

— Всё кончено. Уходите, — бросил он ей вслед, даже не поворачивая головы.

Он нёс свою ношу через всю деревню, шагая через лужи, смешанные с дождём и чем-то тёмным, мимо тлеющих брёвен и бездыханных тел. Он шёл, не обращая внимания ни на что, как король, пересекающий своё опустошённое королевство. В конце улицы, у самой опушки, дождалась массивная, чёрная карета. Без гербов, запряжённая четвёркой вороных лошадей, которые нервно переступали копытами, чуя нечисть вокруг.

Кучер, такой же бледный и безэмоциональный, уже сидел на облучке. Он лишь кивнул, увидев приближающегося господина с девушкой на руках. Дверца кареты отворилась сама собой.

Мужчина на мгновение задержался, глядя на лицо спящей девушки. Капля дождя скатилась с её ресницы, как слеза. Он осторожно ступил внутрь, устроившись на кожаном сиденье и удерживая её на коленях. Дверца захлопнулась, отгородив их от бойни, от дождя, от этого мира.

— Трогай, — раздалась команда из глубины кареты, и кучер щёлкнул вожжами.

Карета тронулась с места, колёса с хлюпаньем разрезали грязь. Она набирала скорость, увозя их прочь от дымящихся развалин, от криков, превратившихся в стоны, а затем и в полную, мёртвую тишину.

Внутри было темно и тихо. Только стук колёс по ухабистой дороге да ровное, глубокое дыхание девушки нарушали покой.

Он не сводил с неё глаз.

Его разум, обычно холодный и расчётливый, был в смятении. Он взял её, потому что её красота поразила его, как удар молнии. Потому что она вызвала его интерес своим замедленным, глухим сердцебиением. Потому что её жизнь пела для его древних чувств чистой, незнакомой нотой.

Но что теперь?

Убить её и выпить эту дивную кровь, превратив момент экстаза в вечность?

Оставить себе и мучить её в назидание остальным?

Или хранить как диковинку, как живой портрет, который со временем поблекнет и умрёт?

Или...

Нет.

Он отогнал последнюю мысль. Она была слишком опасной, слишком человеческой.

А он презирал род человеческий.

Его палец провёл по её щеке. Кожа была такой же мягкой, как и казалась, и тёплой. Слишком тёплой для его вечного холода. Карета мчалась в ночь, унося их в неизвестное будущее, где судьба спящей девушки с изумрудными глазами и судьба шестисотлетнего вампира оказались причудливо и необратимо переплетены одним мгновением ужаса, одним взглядом и тихим стуком сердца, услышанным сквозь гул смерти.

Охота закончилась.

Но что началось, он и сам пока не знал.

Глава 1. Прах и шёлк

Просыпалась я медленно, утопая в сопротивляющейся сознанию мягкости. Веки были свинцовыми, а в ушах стоял глухой, ровный гул, будто я долго пролежала с головой под водой. Мысль пробивалась сквозь вату небытия: *сон, это всё ещё сон*. Я пыталась уцепиться за это, как утопающий за соломинку.

Потому что альтернатива была невысказана.

Я открыла глаза. Над головой вместо привычных потрескавшихся балок с сеткой против насекомых копился сумрак. Тяжёлый, бархатный, тёмно-синий, почти чёрный. Я медленно перевела взгляд вбок. Сверху вниз спускались струящиеся складки того же бархата, отороченные сложной вышивкой серебряными нитями — причудливые, мёртвые лозы без листьев. Балдахин.

У меня сжалось сердце, и я резким движением, от которого заныли виски, села на кровати.

Это была не моя небольшая лежанка с соломенным тюфяком. Это был монумент из тёмного, отполированного до зеркального блеска дерева, лапчатые ножки которого заканчивались звериными когтями, впившимися в ковёр.

Ковёр... Его густой ворс был цвета запекшейся крови и поглощал весь свет, которого, впрочем, в комнате было катастрофически мало. Воздух пах странно: холодным камнем, воском давно погасших свечей и чем-то ещё... сладковатым, приторным, как увядающие цветы.

«Кошмар», — яростно прошептала я про себя, впиваясь ногтями в шелковистую ткань простыни. Это продолжение того кошмара.

Деревня. Дождь. Крики. Тени с глазами, горящими в темноте... и Он.

Тот, кто нашёл меня.

Это всего лишь сон. Сейчас я проснусь в своей комнате, услышу крик петуха, запах дыма из печи...

Но петухи, похоже, пели в ином мире. А дым, который я помнила, был горьким и едким, от горящих домов.

Я судорожно подтянула колени к груди, ощущая, как тонкая, невесомая ткань ночной сорочки скользит по коже. Это был не грубый лён моей ночнушки. Это было что-то воздушное и чужое.

— Добрых сумерек, — прозвучал голос.

Он не возник из тишины. Он материализовался в самой тишине, став её плотью и смыслом. Низкий, бархатный, с ленивой, растянутой интонацией, будто говорящий только что пробудился от столетнего сна и каждое слово было ему в новинку.

Ледяная игла пронзила меня от темени до пят. Я рванула головой на звук.

В огромном кресле у камина, в котором тлели не дрова, а какие-то синеватые, почти не дающие тепла угли, сидел Он.

Тот самый мужчина из кошмара.

Тот, кто шагал по дому сквозь хаос, как король по балльному залу. Тот, чьи глаза...

Сон рассеялся, как дым на ветру. Осталась только леденящая, тошнотворная реальность. Это не сон.

Он реален.

И я действительно здесь.

Он не двигался, лишь наблюдал. Его черты, казавшиеся в полумраке той ночи размытыми, теперь были высечены с беспощадной чёткостью. Бледное, как лунный камень лицо,

лишённое и намёка на кровь или жизнь. Ровное, высокое чело, резко очерченные скулы, которые бросали глубокие, неестественные тени.

И волосы. Волосы цвета воронова крыла, абсолютно чёрные, отливающие синевой, собранные у затылка, но несколько прядей выбивались, обрамляя это бесстрастное полотно. А глаза...

Боже, глаза. Я думала, в ту ночь мне померещилось.

Но нет.

Они горели.

В прямом смысле. В их золотисто-янтарной глубине плескалось настоящее, живое пламя, как в глубине дорогого коньяка, поднесённого к огню. Они пылали в полутьме комнаты, как два факела в изваянии из мрамора.

Дыхание перехватило. Я не могла издать ни звука, только грудная клетка судорожно вздымалась, предательски выдавая панику. Я чувствовала, как учащённо бьётся сердце где-то в горле, готовое вырваться наружу.

Он, не спеша, оторвался от спинки кресла и поднялся. Движение было плавным, слишком плавным, лишённым человеческой инерции. Он был высок, невероятно строен, затянут в простой, но безупречно сидящий камзол и узкие брюки чёрного цвета. Казалось, он не просто носитель тьмы, а её квинтэссенция, её аристократическая ипостась.

Медленно, с тихим шорохом сапог по ковру, он приблизился к кровати. Остановился у изножья и оперся на массивную резную перекладину ладонями. Его фигура нависла надо мной, не заслоняя свет (какой уж там свет), а заслоняя само пространство, оставляя лишь его, эту комнату и мой ужас.

— Не бойся, мышка, — произнёс он, и в его голосе прозвучала катящаяся волна какого-то странного, извращённого утешения. — Я не трону тебя. Пока что.

Мозг, онемевший от страха, наконец, дрогнул иначал выдавать обрывочные, панические мысли.

Мышка.

Он назвал меня «мышкой».

Где я?

Что это за место?

Моя сорочка...

Взгляд скользнул вниз, по тонкой ткани, покрывавшей меня. Это была не простая, домо-тканая рубаха с кружевами по горловине. Это был струящийся шелковистый батист цвета слоновой кости, с изысканной, почти невесомой вышивкой на тонких бретельках и у линии декольте.

Чужая одежда.

На мне чужая одежда.

Волна жара, а следом — леденящего стыда, накатила на меня. Я инстинктивно рванула за шелковое покрывало, пытаюсь укутаться в него с головой, спрятать своё тело, свою уязвимость. Смущение сменилось чистой, животной, отчаянной яростью. Я подняла на него взгляд, и в нём теперь был не только страх. Там полыхал гнев.

Угол его идеально очерченного рта медленно пополз вверх. Улыбка была безрадостной, хищной, изучающей. Она обнажила идеально ровные, ослепительно белые зубы. И среди них два чуть более длинных, отточенных, как иглы, клыка. Они блеснули в тусклом свете на мгновение, прежде чем губы снова сомкнулись.

Вампир.

Он был вампиром. Не страшной сказкой из бабушкиных рассказов, а живым воплощением кошмара из плоти, холода и острейших клыков. Это знание, наконец, уложилось внутри не теорией, а ужасающей, неоспоримой правдой.

— Тебя переодели служанки, — сказал он, словно отвечая на мой немой вопрос. Его голос был нарочито спокоен, почти светски-безучастен. — Не то чтобы я не хотел сделать это сам, но я уважаю чужие границы.

Ложь.

Вся его суть была ложью.

Это существо, вырезавшее целую деревню, говорило об уважении границ?

Внутри вспыхнула острая и горькая ярость и пересилила остаточный страх. Она сожгла ком в груди и дала голос пересохшему горлу.

— Ваше уважение, — прошипела я, и голос мой прозвучал хрипло, но чётко, — проявляется в нападении на беззащитную деревню и истреблении её жителей?

Слова повисли в холодном, спёртом воздухе комнаты. Пламя в его глазах будто замерло, превратившись в твёрдый, полированный янтарь. Вся каменная маска его лица не дрогнула, но в нём появилось нечто новое — абсолютная пустота. Онемение. Не гнев, не раздражение, а полное отсутствие реакции, словно я не произнесла обвинение, а просто чихнула.

Эта тишина была страшнее крика.

Он разогнулся, оторвав руки от кровати. Его движение было по-прежнему плавным, но теперь в нём чувствовалась каменная тяжесть. Без единого слова, не оглядываясь, он развернулся и вышел из комнаты. Скрытая в тени стены массивная дубовая дверь, которую я раньше не замечала закрылась за ним с тихим, но окончательным щелчком.

Я осталась одна.

Тишина обрушилась на меня со всей своей подавляющей тяжестью. Она была густой, звонкой, наполненной биением собственного сердца.

Я задохнулась в ней.

Ноги сами понесли меня с кровати. Шёлк сорочки обвился вокруг коленей. Ковер был неожиданно тёплым под босыми ступнями.

Я подбежала к двери, безумно нащупала ручку. Тяжёлую, литую, холодную, и дёрнула. Ничего.

Дёрнула снова, вложив в движение всю силу отчаяния. Замок не поддался.

Я была заперта.

Прислонившись лбом к гладкой, прохладной древесине, я зажмурилась, пытаюсь перевести дух.

Комната...

Теперь, когда его присутствие не давило на сознание, я смогла её осмотреть.

Она была огромной и мрачно-великолепной. Стены, обшитые тёмным дубом, уходили ввысь, к сводчатому потолку, терявшемуся в тенях. В них были встроены высокие, узкие окна, завешанные плотными портьерами того же темно-синего бархата, что и балдахин.

Ни намёка на дневной свет. Горели несколько светильников на стенах, но не свечи, а какие-то матовые шары, излучавшие призрачное, серебристое сияние, не отбрасывающее теней. Камин с синими углями. Книжные шкафы, доверху набитые старыми фолиантами в потёртых кожаных переплётах. Массивный письменный стол, на котором царил идеальный порядок: перья, чернильница, стопка бумаги. И повсюду странные безделушки: хрустальная сфера на позолоченной подставке, причудливая статуэтка из чёрного дерева, похожая на гибрид птицы и змеи, изящный музыкальный инструмент с порванными струнами.

Это была не просто комната. Это была витрина. Витрина вещей, собранных за века. В ней не было жизни, не было уюта.

Была лишь мёртвая эстетика коллекционера.

И я была новым экспонатом в этой коллекции.

Мысль заставила содрогнуться. Я оттолкнулась от двери и, прижимая к груди края сорочки, сделала несколько шагов по ковру. В углу стояло большое зеркало в раме из чёрного дерева, инкрустированное перламутром. Я, нехотя, подошла к нему, как к краю пропасти.

В отражении на меня смотрела бледная, истончённая страхом девушка. Темно-каштановые волосы, обычно собранные в тугую косу, теперь рассыпались по плечам беспорядочными волнами. Кожа действительно казалась фарфоровой, почти прозрачной, с синеватыми прожилками у висков. А глаза... мои зелёные глаза были огромны, в них стоял немой ужас и неверие. Я была тенью себя прежней, закутанной в дорогой, но чужой саван.

Кем я была здесь, в этой позолоченной клетке?

Деревенская девушка, умевшая доить коров, печь хлеб и вышивать скромные узоры. Никчемная добыча для существа, которое, судя по всему, владело временем и смертью.

Внезапно в памяти вспыхнуло его лицо в момент моего обвинения. Не гнев. Пустота. Именно это ранило больше всего. Он не стал оправдываться, злиться, отрицать. Он просто... отстранился. Как будто мои слова, моя боль, само существование моей деревни не имели для его вселенной никакого веса.

Что он от меня хочет? Почему пощадил меня? И что значит это «пока что»?

Я опустила в кресло у камина, то самое, в котором сидел он. Оно всё ещё хранило лёгкий, едва уловимый холод, исходящий от него. Обняла себя руками, пытаюсь согреться. Синие угли в камине не давали тепла, лишь мерцали, как глаза спящего чудовища.

За дверью не было слышно ни звука. Ни шагов, ни голосов, ни привычного деревенского гула. Только абсолютная, гнетущая тишина замка, погребённого во тьме.

И я понимала, что мой кошмар не закончился. Он только сменил декорации. Из дождя и крови я попала в шёлк и мрак. И моим тюремщиком был не разъярённый зверь, а холодный, расчётливый коллекционер, в чьих глазах я прочла лишь одно: интерес.

Страшный, бездушный интерес к новому, диковинному экземпляру.

Я закусила губу до боли, чтобы не закричать. Кричать было некому. В этом великолепном, мёртвом мире выжить можно было только сохранив рассудок. И я поклялась себе, что сохраню. Ради памяти о дыме родного дома. Ради тех, чьи голоса умолкли в ту ночь.

Даже если мне суждено быть мышкой в ловушке, я буду мышкой, которая помнит своё имя. И которая, быть может, однажды найдет в этой ловушке брешь.

Глава 2. Брешь в тишине

Время в ловушке теряет привычный ход. Я не знала, сколько часов, а может, и дней, провела в этой комнате. Сон накатывал короткими и тревожными урывками, полными обрывков кошмаров: стук дождя по ставням, запах гари, горящие янтарные глаза в темноте шкафа. Я просыпалась в холодном поту на чуждой шелковой простыне, и первым делом мои пальцы нащупывали складки сорочки — материальное доказательство того, что это не сон.

Голод и жажда были навязчивыми, унижительными спутниками. Я стыдилась их, как стыдятся телесных потребностей на похоронах. Как можно хотеть есть, когда весь твой мир обращён в пепел?

Но глупое и живучее тело требовало своего. И в какой-то момент, когда сухость в горле стала нестерпимой, я заметила на столике у кресла кувшин и бокал. Подошла с опаской, как к расставленной ловушке. Вода была ледяной, кристально чистой, безвкусной. Она обжигала горло реальностью. Рядом лежала тарелка. На ней идеальные, словно восковые, фрукты, которых я не видела даже на ярмарке, и ломоть белого хлеба, такого воздушного, что он казался призраком хлеба.

Я съела. Медленно, ненавидя каждое проглоченное мгновение. Это была пища пленника. Приняв её, я как будто соглашалась с новыми правилами.

Большую часть времени я изучала свою тюрьму. Комната не собиралась выдавать своих тайн. Книги в шкафах были на древних, мёртвых языках, украшенные витиеватыми гравюрами, от которых веяло ужасом. Струны на том странном инструменте действительно были порваны. Зеркало отражало только моё бледное, всё более неистовое лицо. Окна, когда я набралась смелости раздвинуть тяжёлый бархат, оказались забранными не решёткой, а массивными каменными плитами, вмурованными в стену.

Брешь искалась плохо.

Единственной динамикой в этом застывшем мире была тишина. Она была разной. Гнетущей, когда я оставалась одна. Настороженной, когда за дверью раздавался едва уловимый шорох. Иногда я прижимала ухо к холодному дереву, пытаясь уловить звуки извне: шаги, голоса, жизнь. Но слышала только собственное дыхание и далёкий, леденящий душу вой ветра (или чего-то иного) за стенами.

Он не появлялся.

И от этого его невидимое присутствие становилось лишь осязаемым. Каждый предмет в комнате казался продолжением его воли.

Он знал, что я здесь.

И ждал.

Выжидал, пока страх не переплавится во что-то иное. В отчаяние. В смирение. В благодарность за эту роскошную могилу.

«Нет, — шептала я себе, глядя в пустые глаза хрустальной сферы. — Ты не дождёшься, Люциус».

Я дала ему имя. Выбрала самое резкое, самое варварское из тех, что приходили на ум. Это лишало его ореола непостижимости, превращало из силы природы в существо, которое можно назвать. Пусть даже только в мыслях.

На исходе третьего, как мне казалось, дня случилось первое событие. Дверь открылась без предупреждения. Я замерла у камина, сердце колотилось где-то в висках. Но вошла не его высокая, тёмная фигура. Вошла женщина. Вернее, тень женщины.

Она была невероятно худа, облачена в простое серое платье, а её лицо под белым, накрахмаленным чепцом было бледным и абсолютно безразличным. Взгляд пустых, светлых глаз

скользнул по мне, не задерживаясь, словно я была ещё одним предметом мебели. В руках у неё был поднос.

— Повеление Господина. Вам следует поддерживать силы, — произнесла она голосом, лишённым интонаций, словно читая с листа. Поставила поднос на стол рядом с фолиантами, взяла пустой кувшин и вышла, бесшумно закрыв дверь.

Я ждала, что щёлкнет замок. Но тишина оставалась просто тишиной.

Я медленно подошла к двери. Рука дрожала, когда я нажала на ручку.

Она поддалась.

Сердце забилось с новой, бешеной силой. Ловушка приоткрылась. На секунду.

Или это была новая игра? Новая приманка?

Я высунула голову в коридор. Он был длинным, погружённым в тот же полумрак, стены украшены мрачными гобеленами, изображавшими сцены охоты, где тёмные рыцари преследовали не оленей, а существ, слишком похожих на людей.

В конце коридора мелькнул серый подол платья служанки и скрылся за поворотом.

И ни души.

Брешь. Временная, зыбкая, но брешь.

Я сделала шаг за порог. Холод камня под босыми ногами заставил вздрогнуть. Один шаг. Два. Тишина в коридоре была ещё более зловещей, чем в комнате. Она висела, густая и внимательная. Я дошла до поворота, за которым исчезла служанка. Новый коридор, такой же безликий. И ещё один. Замок был лабиринтом, спроектированным для того, чтобы теряться.

И я потерялась.

Паника, сдержанная за дни заточения, начала подниматься к горлу. Повсюду были двери, все одинаковые, все закрытые. Ни окон, ни признаков жизни. Только я, тонкая тень в шелковой сорочке, бредущая по бесконечному ковру цвета запёкшейся крови.

И тут я услышала звуки. Приглушённые, доносящиеся из-за одной из дверей впереди. Не голоса.

Музыку.

Скрипку.

Мелодия была диковинной, печальной и пронзительной, полной таких сложных переходов, что дух захватывало. Она виляла по коридору, как живое, тоскующее существо.

Я застыла, прижавшись к стене. Музыка притягивала и пугала одновременно. Она была единственным проявлением чего-то, что не было тишиной или холодной вежливостью служанки. Что-то глубоко личное, человеческое. Или лишь его имитация.

Дверь была приоткрыта. Щель, шириной в палец, пропускала тусклый золотистый свет и ту самую музыку. Я знала, что мне не следовало. Но любопытство (тот самый инстинкт, что губит мышей) оказалось сильнее страха. Я медленно, не дыша, прильнула к щели.

Комната была библиотекой. Не комната, а зал. Бесконечные стеллажи из чёрного дерева уходили ввысь, теряясь в тени сводчатого потолка. В центре, в круге света от высокой лампы с абажуром из тёмного стекла, стоял Он.

Люциус.

Он был ко мне боком. Его чёрный камзол был снят, осталась только тонкая рубашка с расстёгнутым воротом, открывавшим неестественно белую шею. В его длинных, изящных пальцах была скрипка. Смычок водил по струнам с гипнотической, почти болезненной грацией. Казалось, музыка выходит не из инструмента, а из него самого, вытягиваясь наружу, как ещё одна тень.

Я замерла, заворожённая. В этой музыке не было злобы или мощи, которые я ожидала. В ней была бесконечная, иссушающая тоска. Тоска по чему-то утраченному навсегда. По солнцу, которого не видел. По теплу, которое не чувствовал. По простоте чувства, которое больше не мог испытывать.

И в этот миг он оборвал мелодию на высокой, пронзительной ноте. Звук умер, оставив после себя ещё более оглушительную тишину.

— Подсматривать неприлично, мышонок, — произнёс он, не поворачиваясь. Его голос был тихим, но разрезал тишину, как лезвие. — Особенно когда твоё сердце стучит, как барабанная дробь павшего гарнизона.

Ледяной ужас обдал меня с головы до пят, сковав дыхание. Я отпрянула от двери, готовая броситься бежать, не зная куда.

— Войди, — прозвучал приказ. Негромкий, но не терпящий возражений.

Ноги, будто налитые свинцом, повиновались. Я переступила порог библиотеки. Воздух здесь пах старыми книгами, воском и тем же сладковатым ароматом увядания.

Он медленно повернулся. Скрипку он аккуратно положил на бархатную подушку стула. Его глаза в свете лампы горели не так ярко, как в полумраке, но в их глубине всё ещё плескалось то странное, нечеловеческое пламя. Он смотрел на меня, и в его взгляде плескалось неподдельное любопытство.

— Ты заблудилась, мышка, — констатировал он. — Лабиринт без карты — опасное место. Можно наткнуться на вещи, которые лучше не видеть.

— Я... Я искала окно, — выдавила я, пытаюсь заставить голос звучать твёрдо. — Чтобы понять, день сейчас или ночь.

Он медленно кивнул, как будто моя глупая, жалкая отговорка была глубокомысленным замечанием.

— Вместо дня здесь сумрак. День — понятие для тех, кто может его пережить. А ночь... Ночь для таких, как я. И, теперь, для таких, как ты.

В его словах прозвучала ужасающая душу конечность. Он определил мою новую природу. Сумеречное создание. Обительницу этого межвременья.

— Я не такая, как вы, — прошептала я, сжимая кулаки, чтобы они не дрожали.

— Пока нет, — согласился он, и в его тоне снова зазвучала та самая опасная, растянутая интонация. — Но ты уже не такая, как они. Те, что остались там, в грязи и дожде. Ты здесь. Ты видишь. Ты слушаешь. — Он сделал ленивый жест в сторону скрипки. — Что ты услышала в музыке?

Вопрос застал врасплох. Я не ожидала, что он будет спрашивать моё мнение.

— Тоску, — сорвалось у меня с губ прежде, чем я успела подумать.

Пламя в его глазах неожиданно дрогнуло. Как будто я нечаянно тронула что-то живое под каменной оболочкой.

— Тоску, — повторил он за мной, пробуя слово. — Интересно. Большинство слышит лишь красивый звук. Или предсмертный крик. Ты уловила нюанс.

Он подошёл ближе. Я не отступила, заставив себя выдержать его приближение. Он остановился в двух шагах, и я вновь ощутила тот же холод, исходящий от него, тот же невесомый, леденящий воздух вокруг.

— Ты задала вопрос об уважении, — сказал он тихо. — Уважение — это сложное чувство. Оно не исключает уничтожения. Иногда именно оно его и требует. Как садовник выкорчёвывает сорняк, уважая свой сад. Я уважаю порядок. А твоё деревня... была пятном хаоса на карте, которую я давно привёл в соответствие.

Его логика была чудовищной, бесчеловечной и безупречной в своей внутренней последовательности. Я чувствовала, как чёрный и густой гнев поднимается во мне.

— Вы называете людей сорняками?

— Я называю так всё, что не имеет цели и воли к силе, — пожал он плечами. — Но ты, мышка... ты выжила. Ты спряталась. У тебя хватило духу поднять на меня нож. В тебе есть тлеющий уголек. А его можно или затушить... или раздуть в пламя.

Его тяжёлый и оценивающий взгляд скользнул по моему лицу, по тонкой ткани сорочки, по босым, испачканным в пыли пола ногам.

— Тебе холодно. И ты не знаешь, что делать дальше.

— Вы... не отпустите меня? — вопрос вырвался шёпотом, в котором страх сцепился в смертельной схватке с ненавистью.

Он усмехнулся. Звук был низким, сухим и безрадостным, точно скрип льдины, откалывающейся от ледника где-то в глубине его существа.

— О, нет. Но я могу дать тебе три вещи: одежду, знания и правила. Одежду, чтобы ты перестала дрожать. Знания, чтобы ты поняла, где оказалась. И правила, чтобы ты выжила в этом понимании. Взамен я прошу лишь одного.

Он сделал паузу, давая тишине нависнуть между нами давящей тяжестью.

— Не пытайся бежать. Пока я разрешаю тебе бродить по коридорам, ты под моей защитой. Но стоит тебе найти настоящий выход... — он слегка наклонил голову, и в его глазах вспыхнуло предостерегающее пламя, — ...защита закончится. Равно как и моё терпение.

Это была не просьба. Это был ультиматум, обёрнутый в бархат. Он предлагал мне договор с дьяволом, где платой за относительную свободу было добровольное заключение.

— Почему? — выдохнула я. — Зачем всё это? Зачем вам... я?

Он на мгновение задумался, его взгляд снова стал далёким, будто он смотрел сквозь меня на что-то, что видел лишь он.

— Потому что в твоих глазах, когда ты смотрела на меня из шкафа, был не только страх. Был вопрос. Большинство смотрят с одним лишь ужасом. Ты же... ты пыталась понять. А еще ты сумела замедлить свое сердцебиение. Сжаться в комок тишины среди всеобщего крика. Я единственный смог расслышать его. Не встречал ничего интереснее за последнюю сотню лет.

Он развернулся и снова в его руках оказалась скрипка. Его спина, повернутая ко мне, демонстративно показывала, что разговор окончен, что я не представляю угрозы.

— Дверь в конце этого коридора, слева, ведёт в гардеробную. Там найдёшь то, что подойдёт. Ужин в восемь часов. Ты узнаешь по звону колокольчика. Не опаздывай.

И он снова провёл смычком по струнам. На этот раз мелодия была отрывистой, резкой, полной скрытой силы. Это был ответ. И приказ.

Я стояла ещё мгновение, глядя на его неподвижную спину, на игру света и тени на белой рубашке. Потом повернулась и вышла, закрыв за собой дверь.

В коридоре я прислонилась к стене, давя на глаза ладонями, чтобы остановить предательскую дрожь. Он предложил мне сделку. И хуже всего было то, что у меня не было выбора. Брешь, которую я нашла, вела не на волю, а глубже в лабиринт. Лабиринт его правил, его знаний, его игры.

Я медленно опустила руки. В гардеробную, сказал он. Чтобы перестать дрожать. Чтобы получить знания. Чтобы выжить.

Я распрямила плечи и пошла по коридору, в котором теперь знала хоть один поворот. Я шла, чтобы принять его правила.

Но не чтобы подчиниться. А чтобы научиться.

Научиться дышать в такт этой новой, чужой тишине. Чтобы однажды, когда придёт время, найти не брешь в ловушке.

А слабое место в самом охотнике.

Глава 3. Ужин в сумерках

Время здесь нельзя измерить сменой дня и ночи. Тут царили добрые, как он выразился, сумерки, растянутые в вечность.

Просыпаться здесь — это каждый раз маленькое убийство. Убийство надежды. Каждое утро я открываю глаза в бархатной тьме, и на долю секунды мне кажется, что я слышу дружный смех в доме Марены, запах яблочного пирога, который пекла её мать, и ощущение полной, глупой безопасности.

«Останься ночевать, Элиса, поздно уже!»

Я осталась.

И это спасло мне жизнь. И обрело на вечное чувство вины.

Потом реальность обрушивалась. Не смех, а гулкая, мёртвая тишина. Не запах пирога, а холодный камень и воск. И голос подруги в памяти сменялся другим, низким и бархатным: «Не бойся, мышка».

Мышка.

В его устах это звучало как клеймо. Я не просто боялась.

Я ненавидела. Ненавидела тихой, всепоглощающей ненавистью, от которой сжимался желудок и немели пальцы.

Он был не просто моим похитителем. Он был тем, кто стёр с лица земли всё, что я знала и любила.

Мой дом на другом конце деревни. Мать, чьи руки пахли тестом и землёй. Отец, чья шутивая борода колола щёку. Старший братишка Мика. Они думали, что я в безопасности у Марены.

Засыпали ли они спокойно?

Или их последней мыслью был ужас от того, что я тоже там, в эпицентре кошмара?

Я не была с ними в их последние мгновения. И от этой мысли становилось физически больно.

А Марена... её сбивчивый шёпот в темноте шкафа:

«Не дыши...»

Её внезапно обрывающийся крик, когда дверь сорвали с петель. Её дом, бывший убежищем, стал склепом. Но я выжила. Спрятавшись за её платьями, замерев так, будто и правда умерла.

Я впивалась ногтями в шелковистую простыню, пытаюсь прочувствовать боль — хоть что-то настоящее в этом кошмаре из бархата и мрамора. Я не плакала. Слезы, казалось, стогрели вместе с деревней. Осталась только эта сухая, едкая ярость, чувство вины и одно ясное сознание: я последняя. Последняя, кто помнит их имена. Последняя, кто должен был умереть в том шкафу.

Но я не умерла.

И теперь была здесь, в золотой клетке убийцы. И каждый его взгляд, каждое предложенное блюдо, каждый акт этой извращённой «заботы» был плевком на все те могилы, которые даже не были выкопаны. На пепел, развеянный по ветру.

Когда дверь открылась без стука, я даже не вздрогнула. Служанка — Лигейя, как я позже узнала её имя — вошла с безразличием привидения. В её руках было платье цвета тёмного вина, тяжёлая парча, расшитая чёрными, колючими узорами.

— Господин ожидает вас к ужину, — произнесла она голосом без интонаций, словно читала со стен.

Она помогала мне облачаться, её пальцы были холодные и безличные, как инструменты портного.

Платье сидело идеально, будто сшито по меркам. От этой мысли стало не по себе. В зеркале смотрела на меня незнакомка. Бледная, с огромными зелёными глазами, затянута в чужое великолепие. Девушка из деревни растворялась, оставалась лишь оболочка, приготовленная для ужина.

Зал был огромным и пустым. Длинный, как путь до горизонта, стол из тёмного дерева, десятки свечей, чьё пламя не могло победить мрак под сводами. На дальнем конце, в островке света, сидел Он.

Он был одет во всё чёрное, и эта чернота поглощала свет, делая его лицо ещё более бледным и отчётливым. Он не смотрел на меня, устремив взгляд в пустоту над своей тарелкой. Вернее, над своим бокалом — высоким, из тёмного стекла, с густой, почти чёрной жидкостью внутри.

На противоположном конце стола, в шаге от двери, был накрыт одинокий прибор. Хрустальный бокал, сверкающие столовые приборы из тёмного металла, тарелка с золотой каймой. Островок цивилизации в море пустоты.

— Садись, мышка, — его чёткий и негромкий голос донёсся через весь зал, будто он говорил у меня за спиной.

Я прошла к своему месту, чувствуя, как тяжёлая юбка шуршит по ковру.

И вот я сидела напротив него за невероятно длинным столом. Пламя свечей отражалось в его глазах, и я ловила себя на мысли: в этих янтарных глубинах должно было отражаться пламя дома Марены. Видел ли он её лицо? Заметил ли испуг в её глазах, прежде чем погасить в них жизнь? Или для него это был просто ещё один факел в ночи, освещавший путь для его охоты?

— Ты выглядишь... приемлемо, — произнёс он, наконец поднимая на меня глаза. Пламя свечей играло в их янтарной глубине. — Красный — твой цвет. Он скрывает бледность и намекает на жизнь, которой в этих стенах не сыскать.

— Я не выбирала его, — парировала я.

— И тем более показательно, — он слегка склонил голову. — Судьба, даже в мелочах, порой бывает красноречивее нас самих. Приятного аппетита.

Он сделал лёгкий жест, и слуги начали раскладывать еду. Передо мной появилось то, что можно было назвать пиршеством: запечённый фазан под ягодным соусом, паштеты, овощи, приправленные незнакомыми травами, воздушные булочки.

Перед ним — ничего. Лишь тот чёрный бокал.

— Ты не спросишь, что в моём бокале? — раздался его голос.

— Я догадываюсь, — сказала я, не поднимая глаз.

— Кровь, — произнёс он откровенно, словно говоря о вине. — Оленина. Свежая, сегодняшняя. Я предпочитаю не смешивать... жанры. Моя трапеза — моё дело. Твоя — твоё. Это правило.

— Удобное правило, — не удержалась я. — Отделять одно от другого.

— Все правила удобны для тех, кто их устанавливает, — согласился он, сделав небольшой глоток. Его движения были ужасающе обыденными. — Но я пригласил тебя не для дискуссии о морали. Я пригласил тебя, чтобы мы познакомились. Меня зовут Кайрос Хейд. Я — Лорд Дома Хейд, Хранитель Сумрачного Порога и Владыка этих земель от Чёрной реки до Гор Белых Ветров. Формальности утомительны, но необходимы. Ты можешь называть меня Кайрос.

Его титулы прозвучали как перечисление давно забытых королевств. Они говорили не просто о власти, а о территории, о долге, очень долгом владении. «Хранитель Сумрачного Порога» — это было не про политику. Это было про нечто иное, метафизическое.

— Элисабэтта, — сказала я просто. — Вы можете звать Элиса. Просто дочь крестьянина из деревни у Чёрного Леса. Хотя леса, кажется, больше нет. Как и деревни.

Он внимательно смотрел на меня, и мне почудилось, что в его взгляде промелькнула тень... нет, не разочарования, а скорее лёгкого скепсиса, будто он услышал заученную, не совсем правдивую фразу.

— «Просто дочь крестьянина», — повторил он, растягивая слова. — Редкостное умение замедлять сердцебиение почти до смерти для простой крестьянской дочки. И имя... Элисабэтта. Не Лиза, не Бетси. «Бог — моя клятва». Сильное имя для слабой позиции.

Меня бросило в холод.

Он копал глубже, чем я ожидала.

— Мою мать звали Элис. Отец добавил «бэтта» для благозвучия. Всё просто, — солгала я.

— Всё просто, — кивнул он, и в его тоне зазвучала опасная игра. — Как и то, что ты сейчас сидишь за моим столом в платье, которое стоит больше, чем вся твоя сожжённая деревня. Простота — понятие растяжимое. Как и правда.

Он отпил из своего бокала.

— Я старше твоего народа, Элисабэтта. Старше королевств. И за всё это время я понял одну вещь: ничто не бывает «просто». Особенно люди. Ты — не исключение. В тебе есть загадка. Меня это интересует.

Его спокойствие было хуже любого крика.

Как можно было так говорить, зная, что ты стёр с лица земли десятки имён?

— Чего вы хотите? — вырвалось у меня, голос дрогнул. — Если не моей правды, крови и не моей смерти? Вы уже забрали всё! Дом. Семью. Друзей. Даже право оплакать их... Что я вам должна, кроме ненависти?

Он отставил бокал.

— Должна? Ничего. Ненависть — бесполезное топливо, мышка. Она сжигает изнутри. Я предлагаю понимание. Пойми, почему твоя деревня перестала существовать. Пойми, как устроен мир, в котором такие вещи возможны. И тогда твоя ненависть станет не пламенем, а лезвием. Острым и направляемым. Ты можешь сгнуть здесь со своим горем. Или можешь взять в руки первое, что я тебе дам — знания — и начать точить его. Выбор за тобой.

Выбор.

Какое право он имел говорить мне о выборе? Он лишил выбора Марену, когда та решила защитить меня. Лишил выбора моих родителей.

Но в его словах, как ни ненавистно мне было это признавать, сквозила страшная, чудовищная логика. Я могла стореть в своей ярости. Или использовать её как точильный камень.

— Я не ваша игрушка, — прошипела я.

— Всё в этих стенах — моё, — мягко парировал он. — Включая время, которое ты тратишь на сопротивление. Ты можешь провести его, ломая зубы о решётки. Или можешь использовать, чтобы стать сильнее. Чтобы однажды, возможно, обрести силу, достаточную, чтобы эти решётки пошатнуть. Я предлагаю тебе второй путь. Не из доброты. Из любопытства. И от скуки. Ты даже не представляешь, как мне бывает скучно.

Он отставил бокал.

— Завтра начнутся твои уроки. Ты будешь учиться. Языкам. Истории. Этикету. А теперь... ужин окончен. Лигейя проводит тебя. Правила прежние: не пытайся бежать. Остальное... позволено.

Не дожидаясь ответа, он растворился в тени, будто шагнул в другую реальность.

Я сидела, глядя на его пустое место. Он предложил возможность. Самую страшную из возможных. На его условиях.

Лигейя коснулась моего плеча.

— Пойдёмте, мисс.

Я поднялась. Платье, такое тяжёлое минуту назад, теперь казалось ничтожным пухом по сравнению с тяжестью выбора.

Он называл меня мышкой. Но в его глазах я была уже не только добычей. Я была пешкой, которой предложили сделать ход.

Хорошо, лорд Кайрос Хейд, — подумала я, следуя за служанкой. — Я сделаю этот ход. Буду учиться. Буду наблюдать. Буду запоминать каждый поворот коридора, каждую слабость.

Он хочет вырастить из меня достойного противника?

Что ж, я стану им. Настолько достойным, что однажды обыграю его в его же игре. И когда он будет ждать моего следующего хода, я уже буду за дверью, ведущей на свободу.

Сбежать — не значит просто бежать.

Сбежать — значит перестать быть пешкой.

И я это сделаю.

Впервые с той роковой ночи я почувствовала не парализующий ужас, а нащупала вектор понятной цели.

Это не было смирением. Это было объявлением войны.

Глава 4. Сумеречный монолог

Кайрос

Тишина моих чертогов — это не просто отсутствие звука. Это особая материя, выпестованная веками. В ней слышно падение пылинки на каменные плиты за три коридора, шелест крыс в стенах и... тихий, неистовый стук живого сердца в новых покоях в восточном крыле.

Я шел по Галерее Предков, где портреты моих ушедших сородичей смотрели на меня пустыми глазами, написанными кровью и пеплом. Мои шаги не издавали звука, но я чувствовал отзвук каждого. В вибрации воздуха, в едва уловимой дрожи пламени в факелах.

Я всегда чувствовал.

Чувствовал слишком много. Это и есть проклятие долголетия — острота восприятия, которая с годами не притупляется, а становится невыносимой. Звук, запах, вкус — всё это обретает такую текстуру, что порой хочется оглохнуть, ослепнуть, чтобы наконец обрести покой.

Но покоя не будет. Будет только скука. Бескрайняя, всепоглощающая, как эти сумерки за окнами, что я сам навесил на мир.

И теперь в эту скуку ворвался новый звук. Новый запах.

Элисабэтта.

Я перекатил её имя на языке, позволив слогам коснуться нёба.

Э-ли-са-бэт-та.

Тяжеловесное. Архаичное. С претензией на благородство, которая так смешно и трогательно контрастировала с её крестьянским страхом.

«Дочь крестьянина».

О, конечно.

А я — просто летучая мышь на чердаке.

Она лгала.

Плохо, с тем самым милым, вымученным упрямством, от которого пахло потом и черным хлебом. В её лжи было больше честности, чем в правде иных королей.

План созрел, прекрасный в своей безупречной жестокости.

Я оставляю её себе.

Разумеется, мой эгоизм есть высший закон в этих стенах. Но я выжму из неё нечто большее, чем просто присутствие. Я выковаю тусклое сияние, что рассеет скуку этого бесконечного сумрака. Я сделаю её достойной этого места. Я отшлифую этот неогранённый алмаз страха и ярости, пока он не заиграет оттенками, подобающими моему мраку. Она и не подозревает, насколько наши души уже откликаются на один и тот же, древний диссонанс.

Я усмехнулся в тишине галереи. Звук получился сухим, как шелест высохшего пергамента.

«Элиса».

Так она предложила сократить.

Практично. Безлико. Попытка стряхнуть с себя вес собственного имени, спрятаться за простотой.

Глупышка.

Ты не можешь спрятаться от того, кто слышит, как по твоим жилам течёт кровь.

Потому что кровь...

Боги древности, её кровь.

Её аромат висел в воздухе замка с той самой ночи, тонкой, неистребимой нитью. Это был не просто запах железа и жизни. В нём была нота дикого мёда с лугов, которых больше нет. Отзвук яблоневого цвета, смешанный с чем-то холодным и чистым, как горный ключ. И под всем этим тёплый, пульсирующий, невероятно живой фон, который сводил с ума.

Пить её сейчас было бы величайшим моветоном. Все равно что разбить амфору с вековым вином о каменный пол, чтобы просто вдохнуть пары.

Нет.

Такое вино нужно смаковать. Капля за каплей. Наслаждаясь не только вкусом, но и самой церемонией, ожиданием, той игрой, в которую играет стекло с темной жидкостью на свету.

А как она хмурит бровки и морщит свой изящный носик, точь-в-точь встревоженный мышонок?

От этого зрелища во рту свербит остротой клыков, а в жилах — азартом охоты, куда более древним и сладостным, чем простая жажда крови.

Чёрт возьми, это будет... *увлекательно.*

Она думает, что я хочу её смерти, её крови.

Наивная.

Кровь — это всего лишь конечная точка.

Меня интересует путь. Путь от этой дрожащей, дикой мыши в шкафу к... кому?

Кем она станет? Сломается ли? Прогнется? Или в ней, в этой тихой девочке с королевским именем, найдется сталь, чтобы распрямиться?

Последнее было бы самым интересным исходом. Самой пикантной приправой к будущему пиршеству.

Я остановился у огромного окна, вернее, у каменной плиты, что его заменяла. Положил ладонь на холодную поверхность. Где-то там, за тоннами камня и вековой магией, бушевала ночь. Моя стихия. Но она больше не приносила утешения. Только еще больше тишины.

Я мысленно повторил своё прозвище для нее. Оно было точным.

Мышка.

Бэт.

Бэтта.

Совершенное, двойственное, как и всё в этом мире.

Коротко. Звонко.

Летучая мышь. Существо ночи, моё тотемное животное. Но также и отзвук её собственного имени, Элисабэтта.

Случайность?

Нет.

В мире, где я правил веками, случайностей не бывает. Бывают намёки. Игривые подмигивания судьбы.

Маленькая Бэт.

Моя летучая мышка, что прячется не в шкафах, а в своих собственных страхах и тайнах. Прячется, думая, что её не видят.

А я буду наблюдать. Буду подкармливать с руки — знаниями, намёками, безопасностью. Буду ждать, когда она осмелеет и вылетит из своего укрытия. И тогда... тогда мы посмотрим, куда полетят её крылья. Прямо на острые камни замковых стен или, быть может, в самое сердце бури.

Я оторвал ладонь от камня, оставив на нём на мгновение отпечаток легкого инея, который тут же растаял.

— Бэт, — произнёс я вслух, и слово отозвалось в пустоте галереи, подхваченное эхом, как обет.

Завтра начнутся её уроки. Начнется наша игра. И первый её ход, сама того не зная, она уже сделала — подарила мне новое развлечение. Новую загадку, которую можно разгадывать долгие годы.

А пока... пока пусть спит. Пусть видит сны о дожде и пожаре. Пусть её сердце стучит там, наверху — ровный, живой ритм в моём царстве застывшего времени. Этот звук, этот запах, эта надежда на её лице, когда она думает, что может что-то скрыть...

Это лучшее вино, что я пил за последние столетия.

И я намерен растянуть этот бокал надолго.

Очень надолго.

Глава 5. Уроки из тьмы

Просыпаться здесь — это каждый раз еще и маленькая смерть. Сознание всплывает из черной, бездонной воды, и на долю секунды ты не помнишь, кто ты и где. Я цеплялась за сон, как утопающий за обломок. Ещё мгновение — и я слышала сдавленный смех Марены в темноте, чувствовала ткань её платьев на лице. Потом память обрушивается всей своей тяжестью: запах дыма, стук сердца в ушах, холодные пальцы на запястье. И наконец, бархатная тьма новых покоев, просторных, роскошных и абсолютно чужих.

Я лежала, глядя в потолок, где в полумраке угадывались очертания какой-то лепнины.

На столе у кровати, как и в первый день, стоял завтрак. Фрукты, сыр, теплый хлеб. И кувшин воды, на этот раз с долькой лимона. Банальная забота, от которой сжималось горло. Он не просто держал меня в клетке. Он обустроивал эту клетку. Делал ее удобной. Приучал к мысли, что так и должно быть.

Дверь открылась без стука. На пороге стояла Лигейя. В ее руках была стопка книг и простой, но качественный наряд. Темно-зеленое платье из мягкой шерсти, куда более практичное, чем вчерашнее багровое великолепие.

— Уроки начинаются в библиотеке через час, — сообщила она своим безжизненным голосом. — Вам следует подготовиться.

Она оставила одежду и книги на стуле и вышла. Я подошла и провела ладонью по верхнему тому. Кожаный переплет был холодным и потертым от времени. Я открыла его. Строки поплыли перед глазами — изящные, непонятные завитушки чужого языка. Под текстом была гравюра: старый замок на утесе, быть может похожий на тот, в котором я находилась. Внизу, уже на знакомом языке, была подпись:

«Цитадель Сумерек, резиденция Дома Хейд, ок. 500 г. от Великого Разлома».

Пятьсот лет.

Он говорил, что старше королевств. Похоже, это не было метафорой.

Для меня это была вечность. Для него, судя по всему, лишь глава. Эта мысль не столько пугала, сколько помещала всё в чудовищный масштаб. Моя личная катастрофа была для него не более чем эпизодом в долгой летописи жизни.

Час спустя, одетая в простое платье и с тяжестью непрочитанных книг на руках, я стояла перед дверью в ту самую библиотеку. Сердце билось неровно, но не только от страха. Горело неприличное, яростное любопытство. Он предлагал знания. А знания, как я уже решила, были оружием.

Библиотека встретила меня гулким безмолвием. Кайрос стоял у одного из высоких стеллажей, спиной ко мне, проводя пальцем по корешкам фолиантов. На нем был простой темный камзол, волосы собраны, и в этой будничной позе он казался почти... человеческим. Почти.

Обыденность позы была обманкой. Я уже знала, что скрывается под ней.

— Пунктуальность — добродетель, которой лишены даже многие короли, — произнес он, не оборачиваясь. — Приятно видеть, что ты ее не утратила. Садись.

Он повернулся и указал на массивный дубовый стол у камина. На нем уже лежали разложенные карты, свитки и несколько книг с закладками.

Я села, положив свои книги рядом. Он занял место напротив, и его коньячные глаза теперь изучали меня без прикрытой насмешки, с холодной деловитостью профессора.

— Мы начнем с основ, — сказал он. — С географии твоего нового мира. — Он ткнул длинным, бледным пальцем в пожелтевшую карту. — Вот Цитадель Сумерек. Вот земли, которыми я... за которыми присматриваю. Леса, горы, реки. А здесь, — его палец сместился к краю

карты за проведенную линию, к крошечной, едва намеченной точке, — примерно здесь была твоя деревня. Пятнышко. Его больше нет на картах. Оно стерто.

Голос его был ровным, беззлобным. От этого было еще больнее. Моя жизнь, мой дом были для него лишь пятнышком, которое стерли при коррекции.

В его голосе не было ни злобы, ни триумфа. Не было ничего. Лишь сухая констатация факта, как если бы он сообщал об исчезновении ручья или изменении границы леса. Это равнодушие обожгло сильнее ненависти.

— Почему? — спросила я, заставляя себя смотреть на карту, а не в его лицо, впиваясь взглядом в то крошечное, несуществующее место, которое когда-то было всем. — Зачем стирать целые деревни? Вам что, не хватает места?

— Места хватает, — он откинулся на спинку стула. — Мне не хватает порядка. Люди в твоей деревне были виновны в ужасном преступлении. Их уничтожение — не акт бессмысленной жестокости, Бэт. Это восстановление справедливости.

Бэт.

Новое прозвище. Та же мышь, только теперь не простая, а крылатая. Существо ночи, как и он сам.

Ирония просто восхитительна.

— И что же такого ужасного совершила моя деревня?

— Они участвовали в поимке и казни того, кто был мне всего дороже. — Его тон означал что это все что он готов мне дать и дальнейшие расспросы бессмысленны.

Слова повисли в воздухе, тяжелые и окончательные, как приговор, высеченный на надгробии.

«Того, кто был мне всего дороже».

В этих шести словах было больше человечности, чем во всех его холодных речах о порядке. И эта человечность была страшнее любого монстра. Потому что за ней стояла не логика, а боль. Ярость. Горе, растянувшееся на века.

Внезапно всё встало на свои места. Не случайный набег. Не бессмысленная охота. Это была кара. Целенаправленная, тотальная месть. И я... я была частью этой кары. Не просто пленницей, а трофеем, выхваченным из самого сердца уничтоженного врага. Живым напоминанием о его победе.

Или, может быть, живым же искуплением чьей-то чужой вины.

Мой рот стал сухим как пепел.

— Значит... — мой голос прозвучал хрипло, — всё это... все эти смерти... это была месть? За одного человека?

Он посмотрел на меня, и в его янтарных глазах что-то дрогнуло, какая-то старая, закопанная в лед трещина.

— Не за человека, мышка, — поправил он с ледяным ударением на последнем слове. — И да. Это была месть. Самая чистая её форма. Уравнение. Жизнь за жизнь. Только в моём случае чаша весов не столь... деликатна. Вы забрали одну жизнь, бесценную для меня. Я забрал сотню ваших. Вы посмели поднять руку на то, что вам никогда не должно было быть доступно. Я стёр ваше гнездо с лица земли. Теперь баланс восстановлен.

Он говорил о людях как о цифрах. Но теперь, за этой чудовищной арифметикой, я слышала невысказанное. Глухой, нескончаемый рёв, заглушённый годами. Его справедливость была уродливой, но она имела форму. И форму эту отлили из личной утраты.

Это не смягчало мою ненависть. Нет. Она, острый и жгучий уголёк в груди, лишь разгоралась от понимания, что гибель моих близких стала платежом, вписанным в чей-то извращённый баланс. Но к ненависти теперь добавлялось новое, аналитическое осознание. Враг обрёл мотивацию. А мотивированного противника можно изучать. Можно пытаться предсказать.

— А я? — выдохнула я. — Часть этого баланса?

— Ты — исключение из уравнения, — сказал он наконец. — Непредвиденная переменная. Ты должна была умереть вместе со всеми. Но ты... выжила. Ты выделилась. Это заслуживает отдельного рассмотрения. Поэтому ты здесь. Чтобы я мог решить, какую роль ты играешь в этой истории. Может быть, ты — последний неоплаченный долг. А может... — он слегка наклонил голову, — ты — единственное, что осталось от тех, кто причинил мне боль. И с тобой можно поступить... творчески.

Угроза в его словах была тёплой и липкой, как кровь. Но был в них и вызов. Он не просто держал меня. Он оценивал.

Всё внутри меня взбунтовалось. Я не хотела быть его переменной, его творческим проектом, его трофеем. Но протестовать сейчас было бы глупо. Это была его реальность, его правила. И если я хотела выжить, тем более — сбежать, мне нужно было изучить их досконально. Даже если они были написаны кровью и горем.

Я сделала глубокий вдох, превращая внутреннюю дрожь в ледяную оболочку.

— Хорошо, — сказала я, переводя взгляд на карту. — Вы восстановили свою справедливость. Теперь покажите мне её границы.

На его лице мелькнуло искреннее, неприкрытое удивление. Он ждал слёз, истерики, проклятий. Не этого холодного, почти делового принятия новой, ужасающей истины. Пламя в его глазах разгорелось ярче, но уже не от гнева, а от ненасытного любопытства.

— Прагматично, — произнёс он с одобрением, в котором слышался лёгкий зуд раздражения от того, что его не испугались. — Очень хорошо, Бэт. Значит, ты учишься. Первый урок выживания в моём мире: прими реальность, какой бы чудовищной она ни была. И только затем ищи в ней слабые места.

Его палец снова заскользил по пергаменту, и урок продолжился. Но всё изменилось. Каждое название города, каждой реки, каждого ущелья теперь было отмечено клеймом его власти, выросшей из корней мести.

Когда он говорил о «неспокойных землях на востоке», я слышала за этим: «там живут те, кто ещё не причинил мне боли, но могут». Когда он указывал на «старый торговый путь, ныне заброшенный», я понимала: «здесь когда-то убили того, кто был ему дорог».

Знание было оружием. Но это знание было отравлено. Оно пропитывало меня его болью, его цинизмом, его одинокой, нескончаемой яростью. Я впитывала его не для того, чтобы стать частью его мира, а чтобы понять врага. Чтобы найти на карте его горя и его власти не слабые места, а слепые пятна.

Он говорил без остановки, и чем больше лились его бесстрастные слова, тем яснее я осознавала одну вещь: его скука была колоссальной.

Он знал всё это.

Знал слишком хорошо, слишком давно.

Наконец, он закончил объяснять и задал несколько каверзных вопросов по хронологии пограничных конфликтов. Я отвечала, делая ошибки, но уже видя за сухими датами живую логику мести: здесь он карал, здесь — укреплял власть, здесь — отступал, чтобы заманить в ловушку нового врага.

— Достаточно на сегодня, — наконец сказал он, откладывая карту. — Ты усвоила главное. Всё имеет причину. Даже хаос. Особенно — месть. — Он указал на свернутый пергамент на краю стола. — Возьми эти свитки. Переведи первый. Увидишь, как работает закон в моих землях.

Я взяла свитки. Они были тяжелее, чем казались.

— Спасибо за ясность, лорд Хейд, — ответила я, вставая. Его титул теперь отдавал на языке не только кровью, но и пеплом утраты.

— До завтра, Бэт. Не забывай, ты переменная.

Я вышла, прижимая к груди холодные свитки. В них была хроника его власти и его уязвимости. Теперь у меня была не только слепая ненависть. У меня была карта его горя.

Он думал, что даёт мне урок географии. На самом деле он невольно выдал мне первую схему своих укреплений. Его сила проистекала из раны. А рану, если знать, где она, можно беречь.

Беречь из стратегии, намеренно делая больно.

Я шла по коридору, и план в голове кристаллизовался, обретая новую, более опасную глубину. Не просто сбежать. Использовать его собственную, вековую боль как слепое пятно. Он был ураганом, но ураган движется по пути, проложенному старыми бурями.

А я только что начала учиться читать эту карту погоды. Ради свободы. Ради того, чтобы память о Марене, о родителях, о Мике не осталась просто цифрой в чём-то безумном, скорбном отчёте.

Ненависть оставалась моим топливом. Но теперь у неё появилось направление.

Глава 6. Чужой в зеркале

Пять дней.

Пять дней свитков, карт и его пронизывающего взгляда. Пять дней жизни в измерении, где время текло не по солнцу и луне, а по звону колокольчика к ужину и по стопке пергаментов, которую Лигейя оставляла у моей двери каждое утро.

Я уже могла с закрытыми глазами нарисовать контуры Цитадели Сумерек и прилегающих долин. Я выучила основные глаголы языка Теней и с трудом, но разбирала те самые судебные хроники: сухие, кошмарные отчеты о «восстановлении справедливости». Каждый такой документ был надгробным камнем для какой-то деревни, гильдии, семьи.

Кайрос не лгал.

Это была месть, растянутая на столетия и нанесенная на карту каллиграфическим почерком.

Я даже находила особое удовольствие в изучении карт. В деревне нам, юным девушкам, никогда не позволяли переступить её границы. Но жажда познания мира, которого я была лишена, сжигала меня изнутри, заставляя молча склонять голову перед волей старших. Теперь же я могла утолить эту жажду, пусть даже лишь на пожелтевшей бумаге древних свитков, в тишине своей комнаты.

Но сегодня что-то изменилось.

Лигейя, появившись на пороге, не принесла привычной стопки книг. Вместо этого она молча подала мне платье. Оно было сшито из тонкого серого бархата, и по его подолу струился призрачный узор серебряной нити. Нарядное, но всё ещё строгое. Не похоже на одежду для одиноких вечеров с книгами.

— Господин просит вас в Зал Отражений после полудня, — сказала она и, видя мой немой вопрос, добавила без интонации: — Будет... визит.

Визит.

Слово ударило по сознанию, как удар колокола.

Кто-то еще? Кто-то, кроме нас, служанок-призраков и него, жил в этом каменном гробу? Или... кто-то приезжал извне?

Сердце заколотилось с новой, дикой надеждой.

Связь с внешним миром.

Свидетель.

Возможность.

После полудня — понятие растяжимое в вечных сумерках, но я заметила, как служанки стали двигаться чуть быстрее, а в воздухе повисло непривычное напряжение. Я надела платье. Бархат был мягким, но облегал плечи как доспехи. Лигейя снова убрала мои волосы в тугую, сложную прическу, на этот раз вплетая в нее тонкую серебряную ленту. Я смотрела в зеркало и не узнавала себя. Девушка, которую я видела, была бледной, с огромными внимательными глазами и осанкой, которой меня не учили. Она появилась сама, как защитный панцирь.

Это была не Элиса из деревни.

Это была Бэт из Цитадели Сумерек. И мне предстояло сыграть её роль.

Зал Отражений оказался длинной галереей, стены которой от пола до потолка были покрыты зеркалами в черных рамках. Они не отражали свет, а поглощали его, создавая бесконечные, уходящие вглубь коридоры из отражений. В центре зала, у низкого стола из черного мрамора, стоял Кайрос. Он был одет с ещё большей, чем обычно, тщательностью: темно-зеленый камзол, оттенявший бледность кожи, пряди черных волос, уложенные безупречно. Он выглядел как король, готовый принять вассала. Или, что более вероятно, добычу.

Рядом с ним, в кресле, откинувшись с небрежной грацией, сидел незнакомец.

Это был вампир, в этом не было сомнений. Та же мертвенная, идеальная бледность, тот же острый, красивый овал лица. Но на этом сходство заканчивалось. Если Кайрос был зимой, застывшим озером и острым льдом, то этот... был осенним пожаром. Его волосы были цвета рыжей меди, собранные в небрежный хвост, из которого выбивались непослушные пряди. Черты лица резче и насмешливей. Он был одет в потертый, но дорогой камзол цвета охры, и на его длинных пальцах сверкало слишком много колец. Его глаза, поднятые на меня в тот момент, когда я вошла, были цвета старого золота — теплее, чем у Кайроса, и в тысячу раз более наглые.

— А вот и наша загадочная зверушка, — произнес незнакомец. Его голос был глубже, хриплее, пропитан дымом и дурманящей пряностью. — Кай, старина, ты не сказал, что она такая... живая. От неё прямо пахнет весенним ручьём. И страхом. Восхитительная смесь.

Кайрос даже не повернул головы. Его взгляд встретился с моим в одном из зеркал.

— Бэтта, подойди. Позволь представить тебе моего... приятеля. Граф Сири Веландер. Он осчастливил нас своим неожиданным визитом.

В слове «приятель» прозвучала целая вселенная презрения и раздражения. Сири рассмеялся, звук был низким и приятным, но в нём сквозила фальшь, как в слишком сладком вине.

— О, не сердись, что я нагрюнул без предупреждения. Слухи, знаешь ли, ходят. Говорят, великий Страж Сумрака подобрал себе новую... игрушку. Игрушку с вкусным запахом. Не мог не взглянуть.

Он не сводил с меня глаз, и его взгляд был физическим прикосновением. Он изучал линии платья, изгиб шеи, пульс у виска.

Мне захотелось накинуть плащ и спрятаться.

— Граф Веландер, — произнесла я, делая небольшой, формальный реверанс, как учили хроники этикета. Голос не дрогнул.

— О, и воспитана! — Сири хлопнул в ладоши, но в его глазах не было веселья, лишь хищный интерес. — И с произношением проблем нет. Просто чудо. Скажи, девочка, правда ли, что ты та самая, что выжила в той... чистке, под Чёрным Лесом?

Вопрос повис в воздухе, острый как нож.

Кайрос наконец медленно повернулся к нему.

— Сири. Ты переходишь границы.

— Какие ещё границы, старина? Мы же давно друг друга знаем! — Сири широко улыбнулся, обнажив идеальные, острые клыки. — Просто любопытно. Методы твои обычно... исчерпывающи. Найти выжившего — это редкость. Почтенная редкость. Хочется понять — почему? Что в ней такого особенного?

Он встал и сделал несколько ленивых шагов в мою сторону. От него пахло дорогими духами, конюшней и чем-то сладковато-гнилым.

— Может, кровь особенная? Дай-ка я...

Он двинулся быстрее, чем я ожидала. Его рука метнулась, чтобы приподнять мою прядь волос. Инстинктивно я отпрянула. Но Кайрос оказался между нами ещё быстрее. Он не сделал ни одного резкого движения. Он просто оказался там, его высокая фигура стала живой стеной.

— Ты не притронешься, — сказал Кайрос. Его голос был тише шепота, но в нём зазвенела сталь, от которой по спине побежали мурашки. — Она под моей защитой. И моим изучением. Твоё неуместное любопытство останется неудовлетворённым.

Напряжение в зале сгустилось до состояния, когда, кажется, можно порезаться о воздух. Сири замер, его насмешливую улыбку сменила холодная маска. Золотые глаза сузились.

— Защитой? Интересная формулировка. Для трофея. Или для искупительной жертвы. Говорят, деревня та была замешана в старой, плохой истории. В истории твоей...

— Замолчи! — прогремел голос Кайроса.

Он не дрогнул, но воздух вокруг него, казалось, промёрз на несколько градусов. Я увидела, как сжались его пальцы. Впервые за всё время я увидела в нём не холодного повелителя, а рану. Живую, кровоточащую.

— Выйди, Бэтта, — произнес он, не отводя взгляда от Сирина. — На сегодня достаточно. Мне не нужно повторять дважды.

Я развернулась и пошла к выходу, чувствуя на спине два жгучих взгляда: один — насмешливый и жаждущий, другой — ледяной и смертоносный.

За дверью я прислонилась к холодной каменной стене, пытаюсь перевести дыхание, которое сбилось в колкую, частую дробь. В груди колотилось что-то живое и перепуганное, гораздо более примитивное, чем страх перед Кайросом.

Страх перед Кайросом был холодным, как нож у горла. Это был страх перед силой, бездной, неумолимым порядком. Страх перед Сирином был иным — горячим, липким, оскверняющим. Это был страх перед тем, кто не видит в тебе ни личности, ни даже игрушки, а лишь предмет. Ароматную диковинку. Его взгляд ласкал кожу, как рука мясника, оценивающая кусок на разделочном блоке. В нём не было ни любопытства Кайроса, ни его странной, извращённой почти-человечности. В Сирине была лишь плоская, ненасытная жажда. И от этой простоты становилось по-настоящему, животно страшно.

«История твоей...» кого? Возлюбленной? Супруги?

Того, из-за кого умерла моя деревня. И этот Сирин... он знал. Он знал всё. И он приехал не просто из любопытства. Он приехал дразнить зверя. Найти слабое место Кайроса. И, случайно или намеренно, он нашёл меня. Стал моим вторым тюремщиком, ещё более непредсказуемым.

В ушах ещё звучал его хриплый голос: «Под его защитой».

Почему он это сказал? Чтобы досадить другу? Или... в этом была доля правды? Я была его пленницей, его переменной. Но я также была единственным, что осталось от того мира, который причинил ему боль. И, возможно, единственным ключом к той боли. Уничтожить меня — значило закрыть последнюю страницу. А он, кажется, был не готов её закрыть. Как не был готов и отпустить.

Внезапно я поняла. Я оказалась не просто в клетке. Я оказалась на поле битвы между двумя древними силами. Кайрос со своей меланхоличной мстостью и скукой. И Сирин, с его наглым, хищным любопытством и явной жаждой власти. А игрушка, за которую дерутся, рискует быть разорванной пополам.

Я оттолкнулась от стены, чувствуя, как по спине пробегает последняя, сбрасывающая оцепенение дрожь.

Хватит.

Хватит быть игрушкой. Хватит быть трофеем, переменной, диковинкой. Хватит ждать, пока один из них решит мою судьбу, будь то в библиотеке за уроками или в этом зеркальном зале под оценивающим взглядом.

Сирин стал последней каплей. Его появление показало мне всю хрупкость моего положения. Сегодня Кайрос встал между нами.

А завтра?

Сколько еще «друзей» лорда Хейда приедут поглядеть на его новое развлечение?

Что, если Сирин вернётся, когда Кайроса не будет рядом? Или что, если Кайрос, наконец, устанет от своего «эксперимента» и смахнёт меня со стола, как пыль?

Их игра может длиться веками. У меня нет веков. У меня есть только этот страх, который сейчас, пока он ещё свеж и яростен, нужно превратить в топливо.

Уроки, карты, свитки — этого больше недостаточно. Пора переходить от теории к практике. Пора действовать.

Я выпрямила спину и быстрыми, решительными шагами пошла по коридору, уже не ощущая тяжести бархатного платья. В голове, оттесняя панику, выстраивался чёткий, ясный план. Я знала распорядок замка. Знакомилась с его ритмами. Видела служанок. И теперь я знала его слабое место, ту самую старую боль, имя которой он не дал мне услышать.

Она где-то здесь. В этих стенах. В его кабинете. В тех хрониках, которые он мне пока не давал.

До сих пор я искала брешь в ловушке, изучая её изнутри. Но брешь — это пассивная надежда. Пора искать инструмент. Или создавать его.

Он хочет, чтобы я училась?

Отлично. Я буду учиться. Но не только древним языкам. Я буду учиться его замку. Каждому посту служанки. Каждому интервалу между сменой охраны (если она тут есть). Каждому скрипу половицы, каждому заброшенному коридору на нарисованных мной в уме картах.

Он называет меня Бэт, летучей мышкой?

Что ж, летучие мыши прекрасно ориентируются в полной темноте. И находят малейшие щели.

Завтра с утра я не просто приду на урок. Я начну свою собственную игру.

Первый ход — внимание. Второй — смелость. А цель... цель теперь была ясна, как никогда.

Сбежать.

И сделать это нужно до того, как в этой игре появится третий игрок, или пока двое существующих не разорвали меня, пытаясь вырвать друг у друга из рук.

Я вошла в свои покои и заперла дверь на ключ, впервые использовав его не из страха, что войдут, а чтобы меня не отвлекли. У меня была работа. Пора было составлять карту не только его земель, но и моего собственного, отчаянного побега. Время пассивности закончилось. Начиналась охота.

И на этот раз охотником буду я.

Глава 7. Правила силы

План созревал, как ядовитый плод, в тишине моих покоев.

Я вызубрила карты, наметила первые укрытия в ближайших поселениях. А дальше — за той самой чертой, где была когда-то и моя деревня — лежали другие. Одну из них я уже мысленно называла домом.

Я не просто запоминала коридоры, я изучала ритм. Ритм замка, живого и дышащего в такт воле своего хозяина. Смена безмолвной «охраны» (если этих бледных слуг можно было так назвать) происходила с точностью часового механизма, но и у механизма есть люфт. Три минуты и семнадцать секунд — вот временной промежуток, когда коридор между Западным крылом и Старыми кладовыми был пуст. Этого хватило бы, чтобы добежать до потайной двери, о которой упоминалось в одном из судебных свитков как о «запасном ходе для прислуги во время осады 732 года».

Мой «узелок» был смехотворен: краюха хлеба, украденная с ужина, и острый обломок чёрного камня от каминной решётки. Не оружие, а инструмент, чтобы поддеть замок или разбить стекло. Я надела самое тёмное и простое платье, волосы стянула под чепцом, позаимствованным у спящей в чулане Лигейи. Я была тенью, ученицей, готовой применить первые уроки против учителя.

Сердце колотилось не от страха, а от яростного, почти ликующего возбуждения. Всё складывалось. Его увлечённость какими-то старыми манускриптами, прибывшими из дальних владений. Его отстранённость. Его уверенность в том, что я, «переменная», всё ещё размышляю над его уравнениями.

Нет, Кайрос.

Сегодня мы решаем моё.

Побег был отточенным танцем в темноте. Шаг в укрытие. Замирание. Подсчёт секунд в уме. Скрип половицы, который я заранее отметила. Запах сырости и старого дерева в узком служебном проходе. Каждый звук казался оглушительным, каждый лучик призрачного света от светящегося мха на стенах — прожектором. Но система работала. Его совершенный замок оказался машиной, а у любой машины есть шаблон. Я научилась его читать.

И вот, нужная мне, низкая, обитая железом дверь в фундаменте. Воздух здесь пах иначе: не воском и книгами, а сырой землёй и свободой. Сердце рвалось из груди. Камень в моей руке показался ничтожным, но я вложила в удар всю силу отчаяния и надежды. Дерево вокруг ржавой скобы поддалось с глухим треском.

Ещё удар.

Ещё.

Дверь отворилась, пропустив внутрь порыв ледяного, настоящего ветра. Он обжёг лицо, ворвался в лёгкие, и в нём не было сладковатого запаха увядания. Была хвоя, морозная свежесть и бескрайняя, чёрная ночь.

Я выскользнула наружу, прижавшись к холодному камню внешней стены. За мной зиял тёмный провал потайного хода, передо мной — склон, поросший мхом и кривыми соснами, а ниже, в долине, туманными пятнами светились огни чужой деревни.

Чужой. Но живой.

Первый шаг по мшистой земле отозвался в душе головокружительным звоном.

Второй. Третий.

Я бежала, не оглядываясь, спотыкаясь о корни, хватая ртом колючий воздух. Слезы, которых не было все эти недели, хлынули потоком, смешиваясь с ветром.

Я сделала это. Я перехитрила его. Я нашла брешь.

Я свободна!

Этот вопль триумфа прозвучал только у меня в голове. Он замер, не успев сформироваться, когда моё тело вдруг наткнулось на неподвижную, твёрдую преграду.

Не на дерево или скалу.

А прямо на него.

Я упала, больно ударившись копчиком о промерзлую землю.

Кайрос стоял в двух шагах от меня, вровень с тёмным стволом сосны, будто вырос из самой ночи. На нём не было плаща, только тёмный камзол, и ветер шевелил пряди его чёрных волос. Его лицо было обращено ко мне, а глаза в лунном свете были двумя спокойными, бездонными озёрами из жидкого золота, в которых не было ни гнева, ни удивления.

В них плескались... утомлённость и скука.

Я отпрянула, будто обожглась, потеряв дар речи. Лёгкие горели, в висках стучало безумие.

Он не мог быть здесь.

Он был в библиотеке, за пергаменатами!

Я всё проверила!

— Сто тридцать семь секунд, — произнёс он тихим, ровным голосом, который перерезал вой ветра. — От твоей двери до этой сосны. Неплохо. Особенно учитывая качество карт, которые я тебе дал. Они намеренно неточны в этом секторе.

Его слова падали, как камни, в ледяную яму у меня в животе.

— Ты... знал, — выдавила я, и это был не вопрос, а хрипкое признание краха.

— Я позволил, — поправил он, сделав один неторопливый шаг вперёд.

Я поднялась на ноги, не сводя с него глаз и попяtilась назад. Спина наткнулась на шершавую кору дерева.

— Урок географии, Бэт, не сводится к заучиванию границ. Он заключается в понимании рельефа. И в осознании того, что картограф всегда знает свою территорию лучше путника. Даже если путник... очень старается.

Кайрос был так близко, что я снова чувствовала тот леденящий холод, исходящий от него.

Но сейчас он не пугал.

Он унижал.

— Зачем? — прошептала я, и голос мой сломался. — Зачем давать мне надежду?!

— Надежду? — Он слегка склонил голову. — Нет. Я давал тебе практику. Урок выживания в чистом виде. Ты прекрасно справилась с теорией: рассчитала время, нашла слабое место, проявила находчивость. Ты даже выбрала относительно безопасный склон. Но ты забыла главное.

Он замолчал, давая мне понять, что я должна спросить. Я молчала, сжав кулаки, чувствуя, как по щекам текут горячие, бесполезные слёзы ярости и стыда.

— Что? — всё же сорвалось с губ.

— Ты забыла спросить себя, почему дверь, не использовавшаяся триста лет, поддалась тебе так легко. И почему за всю твою долгую, тщательную подготовку тебя ни разу не прервали. Не потому что ты была так хороша, мышка. Потому что я этого не позволял.

Кайрос произнёс последнее слово с лёгким, изысканным ударением, и оно прозвучало как приговор.

Мой побег не провалился. Он не мог провалиться — потому что это и не был побег. Это был следующий пункт в учебной программе. Страница в учебнике под названием «Как выжить с Кайросом Хейдом: контрольная работа». Мне поставили жирную, унижительную оценку: «Поняла многое. Поняла главное — ничего».

Вся моя гордость, мои хитроумные расчёты были всего лишь реквизит в его инсценировке. Я не пыталась сбежать. Я усердно сдавала экзамен.

И провалила его.

От этой мысли становилось горше, чем от любого плена.

— Я ненавижу тебя, — выдохнула я, и в этих словах не было прежней огненной силы, только горькая, беспомощная правда.

— Я знаю, — согласился он, и в его голосе вдруг прозвучала та самая, неуловимая усталость, которую я слышала лишь раз, когда он говорил о потере. — Ненависть — честное чувство. Как и любопытство. Ты хотела сбежать от тюремщика. Но ты бежала и от вопросов, которые начинала задавать себе самой. От этого... понимания. Бегство — самый простой ответ. Меня разочаровывает, что ты выбрала его.

Он развернулся, давая мне понять, что спектакль окончен.

— Идём. Ночь холодна, и ты недостаточно одета для настоящего путешествия.

Это был приказ, прозвучавший с такой суровой простотой, что по спине пробежали мурашки. Я не двинулась с места, вцепившись взглядом в его спину.

— Я останусь здесь, — выдохнула я, и голос мой был тих, но полон последнего, отчаянного вызова.

Кайрос замер, затем медленно, почти церемонно, обернулся. Его лицо в лунном свете было скульптурным и абсолютно пустым. В его глазах не осталось ни тени того азарта, что был минуту назад.

— Нет. Не останешься. Ты нарушила правило. Единственное правило. «Не пытайся бежать». С этого момента, Бэтга, твоя безопасность — более не моя обязанность. Она была частью договора, который ты только что разорвала.

Его слова обрушились на меня не как угроза, а как холодный, юридический факт. Всё, что было между нами — этот странный, извращённый контракт ученичества, эти границы, которые он будто бы уважал — рассыпалось в прах.

Я сама всё сожгла.

— Что... что это значит? — прошептала я, и голос дрогнул не от страха перед лесом, а от страха перед той пустотой в его взгляде.

Он не ответил.

Вместо этого он сократил расстояние между нами. Не с той скоростью, что прежде, а намеренно медленно, давая мне прочувствовать каждый шаг. Он остановился так близко, что холод от него стал физическим ощущением, обжигающим кожу.

— Это значит, что я возвращаю тебя в замок, — сказал он тихо, и его голос потерял последние следы какого-либо человеческого тона. Теперь он звучал как скрежет камня о камень. — Но уже не как ученицу. Ты — нарушительница договора. А с осужденной, которая пытается вырваться из силков, не церемонятся.

Внутри всё застыло. Не было даже ярости. Был ужасающий, отрезвляющий холод. Он больше не играл в учителя. Он сбросил маску. И под ней оказалось нечто, чего я раньше не видела — спокойная, бездонная потребность. Не в крови. В чём-то ином.

В подчинении. В доказательстве власти, которое теперь, после моего предательства правил, могло принять любую форму.

Его рука взметнулась с не человеческой скоростью. Это была размытая тень в темноте. Она впиалась в мое запястье. Пальцы сомкнулись вокруг кости с такой силой, что я вскрикнула от внезапной, пронзительной боли. Это не было хваткой человека. Это был стальной капкан. Холод его кожи прожег плоть до самых костей, а давление заставило похолодеть пальцы. Кайрос не просто держал меня, он сжимал, демонстрируя, как легко может переломить тонкие человеческие кости.

— Ты, кажется, забыла, с кем имеешь дело, мышка, — прошипел он, и его лицо приблизилось. В лунном свете я впервые ясно увидела то, что всегда угадывала: абсолютное, хищное отсутствие милосердия в глубине янтарных глаз. Ни тени игры, интеллекта или скуки.

Только плоская, древняя опасность.

— Я не человек, которого можно обмануть и уйти от него в ночь. Я — то, от чего бегут. И я поймал тебя. Снова.

Он дёрнул за руку — не сильно, но с такой непреложной силой, что моё тело рывком отделилось от ствола дерева. Я едва удержалась на ногах, боль в запястье пульсировала горячими волнами. Вся моя отвага, весь расчёт испарились, оставив первобытный, животный ужас.

Вампир. Хищник. Убийца.

Это не были слова из книг. Это была истина, выжженная болью в моей плоти.

— Идём, — это слово прозвучало как удар бича.

Он повернулся и пошёл, не глядя, волоча меня за собой, как трофей, как вещь. Моё тело, глупое и послушное страху, поплелось следом. Каждый шаг отдавался болью в руке. Я больше не думала о лесе, о свободе.

Я думала о том, насколько хрупки мои кости. О том, с какой лёгкостью он мог сделать с ними всё, что угодно. Все его прежние манеры, этот флер аристократической скуки были всего лишь маской. Маской, которую я своей глупой выходкой сорвала.

Он втащил меня в тёмный провал потайного хода за собой и отпустил запястье. На коже остались чёткие, побелевшие от давления отпечатки его пальцев, которые уже начинали багроветь. Они жгли, как клеймо.

Внутри замка, в густой тишине прихожей, он развернулся ко мне. Дверь за моей спиной с гулким стуком закрылась сама собой, отсекая последний намёк на внешний мир.

— Правила изменились, — произнес он, и в его голос вернулась та холодная, отточенная ясность, которая теперь пугала куда больше любого рыка. — Ты добровольно вышла из-под их защиты. Теперь твоё существование здесь определяется не договором, а моей волей. И моим терпением, которое ты сегодня истощила до дна.

Он сделал шаг вперёд.

Я отпрянула, прижимаясь спиной к холодной резной двери, сжимая больное запястье другой рукой. Его взгляд скользнул по этому жесту, и в уголке его губ дрогнуло что-то, похожее на удовлетворение.

Он видел боль. И это ему нравилось.

— Завтра, — сказал он, растягивая слово, — мы начнём всё с чистого листа. Но уже без иллюзий. Без мнимой безопасности. Ты будешь учиться по-настоящему. И первый урок ты уже усвоила: я не просто твой учитель или тюремщик. Я — твой хищник. И ты в моих когтях.

Он не стал больше ничего говорить. Просто развернулся и растворился в темноте коридора, оставив меня дрожать от холода, шока и пронзительной, унижительной боли в запястье.

Я стояла, глядя в пустоту, где он исчез. Запах сосны и свободы окончательно выветрился, его вытеснил знакомый запах камня, воска и теперь — страха.

Моего страха.

Не от угрозы смерти, а от понимания. Понимания того, кем он был на самом деле. Игра в кошки-мышки закончилась. Кот устал играть и показал когти. А я, мышка, только сейчас осознала, что меня все это время держали над пропастью, притворяясь, что это безопасно.

Я медленно поплелась к своим покоям, каждое движение отзываясь тупой болью в руке. На пороге я остановилась и взглянула на багровеющие отпечатки на своей коже. Это был не синяк. Это была печать. Печать нового положения вещей.

Лорд Хейд дал мне понять это без слов. Один лишь стальной захват, боль и демонстрация превосходства. И это сработало. Голос разума, строившего хитроумные планы, теперь заглушался только одним примитивным сигналом:

ОПАСНОСТЬ. ХИЩНИК. ПОВИНУЙСЯ.

Глава 8. Чаша терпения

Лорд Кайрос Хейд кардинально изменился.

Или он был таким всегда, а первые дни были лишь притворством?

Это не случилось в один день.

Первый раз его пальцы схватили не моё запястье, как тогда, в лесу. Они обхватили мою челюсть, принудительно поднимая лицо навстречу его взгляду, когда я ошиблась в переводе древнего обвинительного акта.

Прикосновение было ледяным и абсолютно властным. Пальцы впились в скулы, заставляя смотреть в его глаза — два плоских, разочарованных янтарных диска. Он не просто держал меня, он фиксировал, как экспонат, лишая воли отвести взгляд. Я застыла, парализованная смесью ужаса и унижения.

Дышать стало трудно.

— Ты оскорбляешь память этих событий своим невежеством, — прошипел он, и его дыхание было стерильным, как воздух в склепе. — Я даю тебе ключи от мира, а ты даже не можешь повернуть их в замке.

Боль была острой и унижительной. Он отпустил меня одним резким движением, будто отбрасывая что-то грязное. Я едва удержалась на ногах. На коже горели белые, а затем багровеющие отпечатки. Слезы выступили на глазах, но я сжала веки, не давая им скатиться. Не перед ним.

Я присидела над тем свитком до рассвета, и каждый стук сердца отдавался болью в челюсти.

Второй случай произошёл через три дня за ужином. Он молчал, а я старалась не смотреть на него, чувствуя на щеках призрак его пальцев. Когда служанка налила воду, моя дрожащая рука задела край бокала. Он упал и разбился. Вода растеклась по дубовой столешнице, как маленькое озеро паники.

Тишина стала абсолютной.

Кайрос не двинулся с места. Просто поднял на меня взгляд.

— Неуклюжесть — признак неконтролируемого ума. — произнёс он спокойно. — Убери. Я замерла, глядя на осколки.

— Я сказал, убери, — его голос не изменился, но щёлкнул в воздухе, как взведённый курок.

Я опустила на колени на холодный камень. Острые края впивались в ладони, когда я собирала хрустальные осколки. Он наблюдал, попивая из своего чёрного бокала, пока я, покраснев от стыда и ярости, вытирала воду своим же платьем.

Это было не просто наказание.

Это была демонстрация.

Я — та, что на полу. Он — тот, кто смотрит сверху.

Так было. Так будет.

Всегда.

Третий раз случился, когда я пыталась изучить замок. Ошиблась поворотом и упёрлась в глухую стену в Галерее Предков, где с портретов смотрели бледные, мёртвые версии его самого. Я обернулась, чтобы уйти, и он оказался там, в конце коридора. Не появился — оказался. Без звука.

— Блуждаешь, мышонок? — его голос прозвучал прямо у меня в ухе, хотя он был в десяти шагах.

Я вздрогнула и попятилась, прижавшись спиной к холодной стене. Он покрыл расстояние между нами мгновенно.

Одно мгновение — он далеко, другое — его рука уже у меня на горле. Холодная и тяжёлая, она не просто лежала, а грозила сжаться в петлю. Но это была не хватка, а оценка. Оценка хрупкости.

— Ты же помнишь правила, — прошептал он, наклоняясь так близко, что я увидела в его глазах своё искажённое страхом отражение. — Весь замок — ловушка. А каждая ловушка имеет хозяина. Не забывай, кому принадлежишь.

Он продержал руку так несколько бесконечных секунд, чувствуя, как дико бьётся пульс у меня на шее, а потом отнял её, оставив на коже ледяной ожог. И просто ушёл, оставив меня сползать на пол, давясь беззвучными рыданиями.

А потом он позвал меня в Зал Отражений. Это было само по себе дурным знаком.

Я вошла, и сотни моих отражений шагнули навстречу из темноты. Окайрос стоял в центре в простом чёрном халате, распахнутом на груди. Расслабленный вид. Я знала — это самая опасная из его масок.

— Мышонок, — его голос обволок меня, как дым. — Ты сегодня отвлеклась. Трижды. В моём доме это... неприлично.

Я не ответила.

Что можно сказать?

Что считала трещины на каменной плите, чтобы не сойти с ума от звука его голоса?

Что пыталась представить солнце?

— Я решил, что тебе нужна практика сосредоточенности. Танец — прекрасное средство. Дисциплина тела ведёт к дисциплине ума.

Он взглянул на странный инструмент в углу, и тот... заиграл. Сам. Тихие, томные, тягучие ноты поплыли в воздухе, обвивая столбы, цепляясь за зеркала. Это была не музыка для танца. Это была музыка для соблазнения.

Или для пытки.

— Танцуй.

— Я не умею, — выдавила я.

Это была правда. Деревенские хороводы под дудку, вот предел моих умений.

— Всему можно научиться, — улыбнулся он уголками губ. — Начинай. Я буду направлять.

Я сделала неловкий шаг, другой. Чувствовала себя коровой на льду. Музыка текла вокруг, а моё тело было деревянным, скованным страхом. Он наблюдал, неподвижный, как статуя, только глаза его, отражавшие пламя свечей, следили за каждым моим жалким движением.

— Нет, нет, мышка, — вздохнул он с преувеличенным разочарованием. — Ты вся зажата. Танцует не тело. Танцует то, что внутри. Позволь этому выйти.

Он не двинулся с места, но я почувствовала давление. Тяжёлую, сладкую волну, исходящую от него. Она обволакивала, проникала под кожу, нашептывая: *расслабься, отпусти, не сопротивляйся.*

Это был его голос, но звучавший прямо в моём сознании.

Гипноз.

Я зажмурилась, пытаюсь отгородиться. Но музыка и этот шёпот просачивались сквозь любые барьеры. Мои мышцы, против моей воли, начали смягчаться. От ужаса и стыда по спине побежали мурашки.

Лорд Хейд управлял моим телом через сознание.

— Вот так... лучше, — его физический голос прозвучал прямо у меня за спиной.

Я вздрогнула.

Он стоял вплотную к моей спине. Я не слышала его шагов. Он просто оказался там. Его холодное сияние обдало меня волной.

— Продолжай, — прошептал он, и его ледяное дыхание коснулось уха.

Я попыталась отступить, сделать шаг, любой шаг, лишь бы создать дистанцию. Но он двигался со мной в такт, как тень, как отражение. Его руки не касались меня, но висели в воздухе в сантиметрах от моих бёдер, плеч, талии. Очерчивая мою форму, не дотрагиваясь. Это было невыносимо интимно.

Унизительно.

Каждый нерв в моём теле кричал о вторжении.

— Ты дышишь так громко. — отметил он, его голос был полон ложного сочувствия. — От страха? Или от чего-то ещё?

Я молчала, стиснув зубы, глядя в одно из зеркал. Наш дуэт выглядел кошмарно красиво: тёмный демон и бледная девушка, пойманная в его магнитное поле. Музыка набирала обороты, становясь более ритмичной, навязчивой.

И тогда он коснулся меня.

Не грубо, как я уже привыкла за последние дни, а легко, кончиками пальцев. Затем тыльной стороной ладони по оголённой руке. Прикосновение было шелковистым, холодным как мрамор.

От него по коже побежали мурашки отвращения.

— Видишь? — прошептал он, а его пальцы скользнули выше, к плечу, едва касаясь кожи, но оставляя за собой след ледящего огня. — Тело может реагировать, даже когда разум протестует. Интересный парадокс, не правда ли?

Я рванулась прочь, наконец сорвавшись с этого ледящего карусельного круга.

Но он был быстрее.

Его сильные, но нежные руки легли на мои бока, остановив бегство и развернув меня к себе лицом. Он не сдавил. Просто... зафиксировал. Притянул на шаг ближе. Теперь между нами не было и сантиметра. Я чувствовала весь его холод, слышала тишину в его груди, где не билось сердце.

— Я сказал, танцуй, — его голос прозвучал тихо, но в нём зазвенела стальная жила.

Он начал двигаться, ведя меня.

Сложно было назвать это танцем.

Это было вождение марионетки.

Моё тело повиновалось толчкам его рук, лёгкому давлению его бёдер, следовало за ним в этом медленном, сладострастном кошмаре. Его халат касался моего платья, его пальцы лежали на моей талии и спине, холод просачивался сквозь слои ткани, прожигал кожу.

— Ты так напряжена... — он наклонил голову, его губы оказались в сантиметре от моей шеи, от того места, где бешено стучала жила.

Я ожидала, что Кайрос укусит или...

Что? Поцелует?

Нет.

Я отогнала последнюю глупую мысль. Но он не целовал и не кусал. Лорд Хейд просто дышал на неё холодным, неживым воздухом.

— Боишься, что я укушу? Или боишься... что не укушу?

Это была попытка.

Пытка намного более изощрённая, чем кулак или клыки. Это было медленное, методичное стирание границ. Превращение моего тела в объект для его клинического любопытства, замешанного на чего-то тёмном и древнем, что я не могла назвать, но чувствовала кожей — влажным, липким обещанием насилия, которое ещё не совершилось, но уже висело в воздухе.

Одной рукой он продолжал держать меня за талию, другой медленно, с мучительной нежностью, провёл пальцами по моей шее, от уха до ключицы. Пальцы остановились на горле, не сжимая, а просто обхватив его, чувствуя паническую пульсацию крови под кожей.

— Вот он... ритм жизни, — пробормотал он, и в его голосе впервые прозвучал настоящий, голодный интерес.

Не к моей крови в данный момент. К моему унижению. К моему страху. К полной потере контроля.

— Такой громкий. Такой... живой. И всё это — в моих руках.

В этот момент музыка оборвалась на высокой, визгливой ноте. Он отпустил меня так же внезапно, как и схватил. Я отпрянула, спотыкаясь, едва удержавшись на ногах. Дыхание срывалось, в глазах стояли слёзы унижения и ярости.

Он стоял, поправляя полы халата, абсолютно бесстрастный. Только его глаза, яркие и горящие в полумраке, выдавали ту дьявольскую усладу, которую он только что получил.

— Урок окончен, — произнёс он ровно. — На сегодня ты научилась достаточно. Ты научилась тому, что даже в самой близости есть иерархия. Что можно касаться, не трогая. Контролировать, не владея. И что твоё тело... — он сделал паузу, и его взгляд медленно, с издевательской оценкой, прошёлся по мне с ног до головы, — ...может быть ведомо, даже когда твой дух кричит «нет». Спи, мышка. Тебе приснится этот танец, я уверен.

Он повернулся и вышел, оставив меня одну среди бесконечных зеркал. Я стояла, дрожа, обнимая себя, пытаюсь стереть с кожи память о его прикосновениях. Но холод, который он оставил, был не снаружи. Он был внутри.

Я посмотрела в ближайшее зеркало. Моё отражение было бледным, растрёпанным, с огромными, полными стыда и отчаяния глазами. А за моим плечом, в глубине отражения, ещё на миг мелькнула его тень, улыбающаяся и довольная.

Кайрос не причинил мне физической боли. Он сделал нечто похуже.

Он показал мне, что моё тело — не крепость. Что его можно заставить откликаться на врага. Что страх и отвращение могут иметь вкус, который ему нравится. И что самые страшные клетки те, где решётки невидимы, и где тюремщик может в любой момент войти, не ломая замок, а просто... приказав дверям раствориться.

Я побежала в свои покои, чувствуя себя осквернённой. Не потому что он взял силой что-то, что принадлежало мне. А потому что он доказал, что при определённом давлении, под определённым взглядом, у меня может не оказаться ничего, что принадлежало бы мне по настоящему.

Даже границы моего собственного тела.

Теперь я сижу на полу своих покоев, прислонившись к роскошной, ненавистной кровати. В теле не осталось дрожи. Оно стало тяжёлым, ватным, будто налитым свинцом.

Я вспоминаю эти эпизоды, один за другим.

Боль в челюсти.

Осколки, впивающиеся в ладони.

Давящий холод его пальцев на горле.

И вместо нового приступа страха я чувствую пустоту. Кричащую, оглушающую пустоту на месте, где раньше были эмоции.

Мне надоело.

Надоело до тошноты, до ломоты в костях, до ощущения, что я сойду с ума.

Надоело вздрагивать при каждом шорохе. Надоело анализировать каждый его взгляд, пытаюсь угадать — сегодня будет «учитель» или «палач». Надоело чувствовать себя вещью, которую то бережно изучают под лупой, то швыряют в угол за малейший дефект.

Что он сделает завтра?

Швырнёт меня о стену? Сломает руку за очередную ошибку? Придумает новое, изощрённое унижение?

У каждой пытки есть предел. Её можно терпеть день, два, неделю. Но нельзя терпеть вечность. А то, что он предлагает — это и есть вечность.

Вечность страха. Вечность покорности. Вечность жизни, которая хуже любой смерти.

Я поднимаю голову и смотрю в зеркало. В нём — лицо незнакомки. Бледное, с синяками под глазами и тенью старого синяка на челюсти. В глазах нет ни надежды, ни страха. Только усталость. Усталость всего мира.

И тогда, в этой тишине и пустоте, рождается решение.

Окончательное и такое освобождающее.

Всё.

Хватит.

Я больше не хочу играть по его правилам. Не хочу быть мышонком — испуганной зверушкой, которую ловят и тычут мордочкой в её же ничтожество. Не хочу быть ученицей, учителем который стал тюремщик.

Не хочу терпеть.

Если единственный выбор — между вечным рабством и смертью, то выбор очевиден.

Но умирать я буду по-своему.

Не на коленях и не со слезами.

Если он хочет жестокости — он её получит. Но это будет не его односторонняя жестокость властителя.

Это будет жестокость отчаяния. Жестокость того, кому нечего терять.

Я не буду больше собирать осколки. Не буду замирать от прикосновения. Не буду стараться для его уроков.

Я буду тихим саботажником. Неуправляемой переменной. Песчинкой в шестернях его безупречной машины. Я буду делать ошибки — не из-за глупости, а из принципа. Буду молчать, когда он ждёт ответа. Буду смотреть ему в глаза, когда он ждёт, что я опущу взгляд.

Он может сломать моё тело. Но последнее, что у меня осталось — это моя воля. И я выбираю потратить её не на попытки выжить, а на то, чтобы усложнить ему жизнь. Сделать моё присутствие не интересным экспериментом, а проблемой. Раздражающей, постоянной, неустранимой проблемой.

Пусть убивает.

Но пусть помнит, что убивал он не покорную овечку, а существо, которое до последнего вздоха отказывалось быть тем, чем он хотел его видеть.

В этот момент я поняла, в чём заключается его настоящая жестокость. Она была не в боли и не в угрозах. Она — в разоблачении. Кайрос вскрывал скальпелем своих слов мою собственную, ещё не понятую мной природу. Он видел меня, видел те тёмные, спутанные нити любопытства, ярости и странного влечения, которые я сама боялась разглядеть.

Я встаю с пола. Боль в челюсти, воспоминание о осколках, призрак пальцев на горле — всё это теперь мое топливо. Горькое, ядовитое, но единственное, что у меня есть.

Это не случилось в один день.

Это накапливалось, как яд, капля за каплей, наполняя чашу, которую я таскала в себе. Чашу моего терпения. И вот она переполнилась и перевернулась. Из неё теперь течёт не покорность, а тихая решимость идти до конца.

Своего конца.

С завтрашнего дня начинается новая война. Война на истощение. И я уже проиграла её в главном — в шансе на жизнь. Но я могу выиграть её в другом — в том, какую память о себе оставляю. Память не о жертве, а о проблеме.

И для этого стоит дожить до завтра.

Глава 9. Вкус страха, искра ненависти

Кайрос

Воздух в зале был густым и сладким. Не от духов или цветов, а от неё. От запаха её крови, что всё ещё витал в пространстве, смешиваясь со страхом, исходившим от каждого её вздоха. Я стоял в дверях, наблюдая, как она стоит посреди зеркального пространства, скованная, пытающаяся казаться меньше.

И сходил с ума.

Сходил с ума от этого медового, железистого аромата, что кружил голову сильнее любого вина. Я прислонился к косяку, позволяя ему проникать в меня, глубже простого запаха, достигая самой сути. Пробуждая ту животную, первобытную часть моего существа, которую я десятилетиями держал в железных тисках контроля.

Сходил с ума от её внешности. От этой обманчивой хрупкости, которую так хотелось сломать, и от скрытой выносливости, которую так же отчаянно жаждал испытать на прочность.

От того, как свет огня в камине цеплялся за её влажные ресницы, как тень от дрожи ложилась на подбородок. Всё это был нарядный обман. Показная слабость, опущенные ресницы, пальцы, вечно теребящие подол платья — великолепная, раздражающая ложь. Я видел, как напрягались сухожилия на её шее при звуке моих шагов, как зрачки резко сужались, улавливая движение в полутьме.

Она была не фарфоровой куклой, а дикой кошкой в тисках, и каждое её притворное смирение было для меня личным оскорблением.

Всё сложнее.

С каждым днём, с каждым часом наблюдения из тени, всё невыносимо сложнее становилось ненавидеть её за то, что она просто человек. Глупое, брэнное, недолговечное создание. Ненавидеть её становилось мучительной, бессмысленной задачей.

Как ненавидеть пламя за то, что оно жжётся?

И всё же...

Она слишком юна, чтобы помнить те события. А дом, в котором я её нашёл принадлежал семье сапожника, значит её ничтожная вина передо мной искуплена.

В конце концов, я достаточно её наказал. Убив всех, кто был ей дорог. Я стёр с лица земли её хрупкий человеческий мирок.

Видели ли они в ней то, что вижу я?

Эти тени за её глазами, эту сталь в позвоночнике, скрытую под мягкостью кожи?

Готов поспорить, они даже не знали её настоящую. Они любили мираж, удобную для них версию. А я... я вижу суть.

О, как же я рад, что она нарушила моё единственное правило.

«Не пытайся сбежать».

Такое простое, такое очевидное. Я только удивлён, что она ждала столько дней, прежде чем попробовать. Её терпение почти достойно восхищения. Но её попытка — это дар.

Потому что теперь я могу к ней прикасаться так, как хочу. Наказание за нарушение правила сняло все остальные оковы приличия, которые я на себя напяливал. Меня даже не волнует то, что она теперь боится меня ещё больше. Её живой и острый страх окрашивает воздух

между нами в электризующие оттенки. Её взгляд убегает от моего, плечи напряжены до дрожи, когда я приближаюсь.

Но вот теперь в чём вопрос: как долго моя мышка будет играть роль тихой, послушной девочки? Ту, что сидит смиренно и повинуется чужим приказаниям. Мне нравится этот чистый и животный ужас в её глазах, он сладок на вкус. Но ещё больше... еще больше мне нравится то, что тлеет в глубине её взгляда. Та самая искорка.

Не послушания, нет.

Непокорности.

Тупая, упрямая, едва живая после всего, что я с ней сделал, но не потухшая.

И я намерен эту искру разжечь.

До пылающего пожара.

До пожара, который поглотит её прежнюю личность, её страх, её сомнения. Пожара, в пламени которого родится то, что я в ней видел с самого начала: её настоящее, тёмное, неукротимое «я».

И когда это случится... о, когда это случится, мы посмотрим, кто кого пленит по-настоящему.

Мне не нужна сломленная кукла. Мне нужно пламя, которое будет бороться с моей тьмой, которое я смогу оседлать и направить. Её страх — это топливо. Её ненависть — кислород. А её попытка сбежать... о, это была первая искра.

Я развернулся, и полы халата взметнулись вслед за движением, когда она сорвалась с места и побежала в сторону своих покоев. Уголки моих губ поползли вверх.

Всё идёт по плану. По моему плану. По моим правилам.

И я с нетерпением жду, когда моя тихая девочка наконец-то покажет мне, на какой огонь она действительно способна.

Глава 10. Не рукоять, а лезвие

В тишине покоев, после того как затихли мои громкие мысли, осталось только эхо. Не звука, а приказов и угроз. И внутри меня, поверх этого эха, поднялся хор других, старых голосов. Призрачный хор моей прошлой жизни.

Повинуйся.

Не перечь.

Будь послушной.

Будь тихой.

Не бегай, Элисабэтта. Не покидай границы деревни.

Не выходи из дома в сумерки.

Сядь прямо, Элисабэтта. Говори тише.

Не прыгай, Элисабэтта. Не кричи и не плачь.

Голос матери, усталый после долгого дня у печи. Строгий, но беззлобный голос отца. Они звучали в памяти с такой ясностью, что по коже пробежали мурашки. Это были не просто слова. Это был каркас, в который они пытались втиснуть мою душу, как в тесный корсет.

Каркас безопасности. Предсказуемости. Выживания в маленьком мире, где самое страшное это голодная зима или злые языки соседей.

И я слушалась.

Боже, как же я слушалась!

Я замирала, стоило отцу нахмурить брови. Я сглатывала смех, если он был слишком громким. Я сжимала в кулаке желание побежать на дальнее поле, к реке, куда глаза глядят, и покорно шла домой. Я превращала свои порывы в мелкую, безопасную дрожь в кончиках пальцев.

Я была тихой. Удобной. Послушной дочерью, о которой неловко было бы говорить дурно.

И где же я оказалась, а?

Мысль прозвучала не яростно, а с несвойственной мне циничностью. Она повисла в бархатном мраке комнаты, и у неё не было ответа. Точнее, ответ был налицо, и он дышал на меня холодом каменных стен.

Заперта в тёмном замке бездушного чудовища. Похищена существом, для которого правила моей деревни, моих родителей, всего моего прежнего мира были не строками из свода законов, а шелестом сухих листьев под ногами. Моё послушание, моя осторожность, вся моя выстроенная по их лекалам жизнь не спасла меня. Более того, она, возможно, и привела сюда. Потому что именно тихую, затаившуюся мышку он и заметил в шкафу. Тот, кто кричал и бежал, был мгновенно настигнут. А я, научившаяся не дышать, продлила свою агонию. Сделала себя *интересной*.

Горькая, удушающая ирония сдавила горло. Все их «нельзя» оказались не щитом, а клеткой с хлипкими прутьями, которую снёс первый же ураган.

А что, если...

Мысль, дикая и запретная, прорвалась сквозь пласт многолетнего страха и покорности.

А что было бы, если бы я поступала так, как хочу?

Так, как велит мне сердце и просит душа?

Если бы в тот день я не осталась ночевать у Марены, послушавшись её робких уговоров? Если бы прислушалась к своему внутреннему голосу, желавшему пойти домой?

Если бы в ту ночь, вместо того чтобы замирать, я выхватила у Марены из рук кочергу и с диким криком бросилась на первого вошедшего в дом тёмного силуэта? Если бы я не пряталась, а бежала, орала, призывала на помощь тех, кто уже не мог прийти?

Я бы умерла.

Да. Скорее всего.

Но я бы умерла собой. Со своим голосом. На своей территории. Сражаясь или пытаюсь бежать, но — действуя. Не сжавшись в комок чужого страха в углу чужого шкафа.

И эта мысль, вместо того чтобы напугать, озарила всё изнутри холодным, ясным светом. Как факел в погребке, выхватывающий контуры давно забытых, но прочных стен.

Я больше не хочу слушаться.

Ни их призрачных голосов, доносящихся из пепла. Ни его, холодного и всевластного, диктующего новые, чудовищные правила.

Я хочу...

Боже, как же я хочу!

Я хочу бегать.

Не по тропинке от колодца к дому, а до изнеможения, до хрипа в лёгких, пока ноги не подкосятся, просто чтобы почувствовать, что они ещё мои.

Хочу прыгать через ручьи и валяться в высокой траве, пачкая это дурацкое бархатное платье. Хочу кричать — не от страха, а от ярости, чтобы своды этого проклятого замка затрещали. Хочу плакать — громко, безобразно, выворачивая душу наизнанку, оплакивая всё, что потеряла, а не сдерживая слёзы, как меня учили «держаться в руках».

Я хочу бить.

Чувствовать удар кулака о камень, о дерево, о что угодно. Хочу разбивать эти прекрасные, бездушные вазы, рвать в клочья старинные гобелены, втаптывать в грязь его безупречный порядок. Хочу оставить на этой идеальной, ледяной поверхности мира хоть один след — след своего разрушения, своего неподчинения, своего существования.

Я хочу сопротивляться.

Не тихим, пассивным неповиновением ученицы, а открытой, отчаянной борьбой.

Хочу бороться.

Даже если это безнадежно.

Особенно если это безнадежно.

И тут я задала себе самый главный, самый страшный и самый освобождающий вопрос: Что я теряю?

Я обвела взглядом роскошные покои. Мягкую кровать, на которой не спится. Стол с яствами, которые не хочется есть. Тишину, в которой сходят с ума.

У меня больше нет дома. Его пепел развеян по ветру.

У меня нет семьи. Их голоса живут только в моей голове, и они звали к покорности, которая меня не спасла.

Нет друзей. Марена лежит в развалинах своего дома.

У меня нет будущего. Только бесконечный сумрак в компании собственного палача.

Он выпьет мою кровь? Пусть.

Он убьёт меня? Что ж, это будет конец.

Но какой конец? Ещё одна тихая, незаметная смерть в его коллекции? Ещё одно «пятнышко», стёртое с карты?

Нет.

Мысль оформилась в твёрдое, незыблемое ядро где-то в груди, тяжёлое, как тот камень, что я носила для побега.

Мне всё равно, умру ли я. Уж лучше смерть, чем пожизненное заключение в стенах этого красивого, опасного, кровожадного врага. Но даже умирая — я буду сражаться с ним. Я вцеплюсь ему в горло, буду царапаться, кусаться, плевать ему в лицо своим презрением. Я не дам ему насладиться моей покорной гибелью. Я заставлю его почувствовать мою смерть. Усилим, гневом, борьбой. Я сделаю так, чтобы убить меня было не просто актом, а проблемой. Чтобы

он вспоминал обо мне не как о тихой мышке в шкафу, а как о фурии, от которой пришлось избавляться.

Я устала быть тихой. Устала угождать. Устала подчиняться правилам игр, в которых заведомо проигрываю.

Передо мной не стоял выбор «сражаться или выживать». Выживание в его понимании — это медленное умирание в золотой клетке. Это не жизнь. Это отсрочка конца.

Значит, выбор один: как прожить то, что осталось. Как умереть.

И я выбирала бурей.

Дрожащими пальцами я подцепила тонкую цепочку на шее и вытащила кулон, всегда прятавшийся между грудями. Мне нужна была точка опоры. Чтобы заземлиться. Чтобы страх отступил перед чем-то большим.

Это был бабушкин подарок. Я сжала его в кулаке, и углы трехконечной звезды впились в ладонь, как эхо её голоса:

«Помни, Элиса, ты никогда не одна. За тобой стоит сила нашего рода».

Хорошо.

Значит, хоть перед смертью я побуду собой. Настоящей. Шумной, непослушной, яростной, отчаянной. Той, кем меня так боялись видеть родители. Той, кого они, конечно, любили, но так и не узнали до конца.

Это не было решением сбежать. Побег требовал скрытности, расчёта, подчинения его ритмам. Это было другое. Решение атаковать. Не для победы, её не могло быть. Для утверждения. Чтобы оставить след. Чтобы нарушить монотонность его вечной, скупающей власти.

Лорд хочет подавить меня?

Что ж, подавленность — страшное чувство. Когда человек подавлен, он играет со смертью без варианта выигрыша.

Он считал, что, схватив меня за горло, показал, кто здесь хозяин. Он ошибался. Он показал, что терять мне нечего. А у того, кому нечего терять, есть одна страшная сила — сила абсолютного, безрассудного отказа.

Отказа от его правил. Отказа от страха. Отказа от самой надежды на пощаду.

Я больше не буду играть в его игры. Не буду стараться понять его карты, чтобы обойти. Я буду рвать их. Я не буду искать слепые пятна в его охране. Я буду кричать в его идеальную тишину. Не буду ждать урока.

Я стану уроком сама. Уроком того, как хрупкое человеческое упрямство может превратиться в осколок, режущий по рукам того, кто попытается его сжать.

Я встала и подошла к зеркалу. В отражении смотрела на меня бледная девушка с тёмными кругами под глазами и синяками на запястье и скулах. Но в этих глазах, изумрудных и огромных, больше не было прежнего испуга или расчётливой ярости. В них горел новый огонь — холодный, решительный, почти мирный. Огонь принятия.

Я намеренно медленно распустила сложную причёску, которую затянула Лигейя. Каштановые волосы тяжёлой волной упали на плечи. Стянула с себя драгоценную шпильку и швырнула её в угол, где она звякнула о камень. Потом подошла к столу, взяла кувшин с водой и вылила его содержимое на идеально заправленную постель. Вода впиталась в шёлк тёмным, безобразным пятном.

Это были мелочи. Детский бунт. Но это было начало. Первый камушек, брошенный в гладкую поверхность его озера.

Завтра, когда он войдёт, ожидая увидеть сломленную, покорную мышку, он встретит другую.

Он встретит Элисабэтту.

Ту, что больше не боится. Ту, что решила сеять хаос в его царстве порядка, ярость в его обители скуки, жизнь в его мире вечной смерти.

Он хотел сделать из меня лезвие?

Что ж. Лезвия режут в обе стороны. И держать их можно не только за рукоять.

А я отныне решила быть не рукоятью, а самим лезвием — обнажённым, острым и готовым вонзиться в того, кто попытается взять его в руки.

Я легла на мокрую простыню, чувствуя, как холодная влага проступает сквозь ткань платья. Это было некомфортно. Неприлично.

Прекрасно.

Впервые за долгие недели я уснула с лёгкостью. Не потому что нашла выход. А потому что перестала его искать.

Я нашла нечто более важное — себя. И теперь мне было что противопоставить его вечности. Мою крошечную, яростную, обречённую, но мою, буйную жизнь.

До последнего вдоха.

Глава 11. И свергнуты чёрные оковы

Я проснулась от того, что в комнате кто-то был.

Я не слышала звуков, но ощутила присутствие.

Густое и осязаемое, как паутина, давление в самой тишине. Оно остановило мне дыхание и заставило сердце колотиться где-то в горле. Каждый волосок на коже встал дыбом. Я не видела движения в кромешной тьме, не слышала ни вздоха, но моя кровь, мои нервы, всё мое естество завывало сиреной опасности.

Медленно, будто против невидимого течения, я повернула голову на подушке.

И увидела его.

Кайрос стоял у камина, где давно погасли угли, сливаясь с тенями так, что казался их олицетворением. Лишь высокий, неестественно неподвижный силуэт. И два приглушенных мерцания там, где должны быть глаза.

Он смотрел. Просто наблюдал, как я сплю.

Ледяная волна ужаса вырвалась из горла хрипом. Но почти одновременно, из самых глубин, поднялось другое чувство. Едкое, тянущее... и развращающее. Непристойное любопытство, острый интерес хищника к хищнику. Мой собственный внутренний демон просыпался, отвечая на его вызов.

Я дёрнулась, спуталась в одеяле и соскочила с кровати, отпрянув к стене. Сердце колотилось так бешено, что звон стоял в ушах.

Кайрос не пошевелился. Его холодный и оценивающий взгляд скользнул по моей взъерошенной фигуре, дрожащим рукам, волосам, растрепавшимся во сне. И в нём не было даже малейшего интереса. Лишь бездонная, всепоглощающая скука и то снисхождение, с каким взирают на перепуганного зверька.

— Сегодня, — произнёс он наконец. Его голос был тихим, ровным, бесцветным, как гладь мёртвого озера. — Я устраиваю обязательный приём. Прибудут Высокородные гости со всех земель. Твоё присутствие обязательно.

Он сделал едва заметное движение подбородком в сторону ширмы. На ней, будто материализовавшись из тьмы, висело платье. Изумрудный, тяжёлый бархат, воронёное кружево у горловины, длинные рукава, скрывающие запястья. Оно выглядело как доспехи, сотканые из ночи и изумрудной пыли. И как саван.

— Надень это.

Потом его тяжёлый взгляд сместился на маленькую бархатную подушечку у зеркала. На ней покоилась узкая лента чёрного бархата. В её центре тускло поблёскивал тёмный камень в оправе из прозрачного серебра.

— И это. Обязательно.

Он сделал паузу, давая каждому слову вонзиться в сознание, как гвоздь.

— Она скажет другим, — медленно, растягивая слоги, заключил он, — что ты принадлежишь мне.

И прежде чем я успела издать хоть звук, моргнуть или перевести дух, его силуэт дрогнул. Не было ни шага, ни звука, ни колебания воздуха. Он просто растворился в тени у камина, исчезнув так же беззвучно, как и появился.

Я осталась одна. Прислонившись к холодной стене, я сжимала в дрожащих пальцах края ночнушки. Тишина, теперь пустая, снова сомкнулась вокруг. Но она уже была отравлена. В ней висел холодный шлейф его неоспоримой воли. И едкий, сладковатый запах ночной власти, крови и вековой пыли.

Лорд сказал обязательно?

Хорошо.

Обязательного ослушаюсь.

После завтрака, больше похожего на ритуал проглатывания собственного страха, Лигейя помогла мне облачиться в платье. Оно было чудовищно красивым и подходило к цвету моих глаз так, будто было соткано специально для того, чтобы их подчеркнуть.

Я не позволила служанке трогать мои волосы. Сама собрала их в низкий, простой и строгий пучок. Никаких локонов, никаких уловок.

Считая себя готовой, я двинулась к двери. Но едва я дотронулась до ручки, тихий голос остановил меня:

— Мисс, вы забыли.

Действительно.

Я обернулась.

Лигейя стояла с бархатной подушечкой в руках. На ней лежал тот самый чокер.

— Ах, да... — Я растерянно коснулась пальцами обнажённой шеи. — Действительно, забыла.

Она подошла, и её ловкие, безжизненные пальцы обвили моё горло бархатной лентой, не просто украшения, а ошейника. Лёгкий щелчок застёжки прозвучал как щелчок замка. Камень коснулся кожи ледяным поцелуем. Я встретила её взгляд через плечо и коротко, без участия глаз, улыбнулась.

Служанка молча проводила меня через лабиринт коридоров. Они казались бесконечными: высокие своды, теряющиеся в темноте, стены, обитые тёмным деревом и тканью, по которым скользили отсветы факелов в железных бра. Воздух был холодным и пах воском, стариной и... ожиданием.

Издали, сквозь тяжёлые двери, доносился приглушённый гул — шорох шагов, сливающиеся голоса, звенящая тишина, которую создаёт множество внимающих друг другу хищников. Мы миновали галерею с портретами, чьи глаза, казалось, следили за мной с безмолвным укором, и наконец остановились перед циклопическими двустворчатыми дверями в бальный зал.

Лигейя склонила голову и бесшумно отступила, растворившись в боковом проходе. Я осталась одна на пороге, под тяжёлым взглядом каменных горгулий, фланкировавших вход.

Я мельком глянула через плечо.

Коридор был пуст.

Медленным, почти небрежным движением, будто поправляя причёску, я поднесла пальцы к застёжке на шее. Лёгкий щелчок, едва слышный в общем гуле, прозвучал для меня громче любого колокола. Бархатная лента беззвучно соскользнула и упала в тень, подальше от света, лишаясь на полу своего магического блеска.

Акт шалости.

Акт протеста.

Акт крошечного, но безрассудного неповиновения.

Я сделала глубокий вдох, ощутив непривычную, желанную свободу у горла, и шагнула в зал, оставив метафоричную окову в темноте за порогом. Пусть теперь посмотрит, кому я принадлежу.

Хотя бы на эту ночь.

Нарочитая и церемониальная музыка не смолкала ни на мгновение, но казалась лишь тонкой позолоченной плёнкой, натянутой над бездной полной тишины. Я сделала лишь

несколько шагов внутрь зала, пытаясь раствориться в тени колонн, как передо мной бесшумно материализовались две фигуры.

Стражи.

Они были подобны изваяниям из тёмного гранита, ожившим по чьей-то воле. Их застывшие и бесстрастные лица смотрели сквозь меня, но цели были очевидны. Один из них, чуть склонив голову, произнёс голосом, лишённым всякой интонации, будто зачитывая приговор:

— Мисс. Нам приказано сопроводить вас.

«Сопроводить».

Такое мягкое слово для не оставляющей выбора силы. Они встали по бокам, не давая отступить ни вправо, ни влево, и двинулись. Мой путь через бальный зал превратился в процессию. Я чувствовала, как сотни пар глаз цепляются за моё платье, за мою непокрытую шею, за выражение моего лица, которое я пыталась сделать таким же пустым и холодным, как у моих «проводников».

Мы шли мимо групп вампирской знати. Шёпот, похожий на шелест сухих листьев, затихал на нашем пути и возобновлялся позади. Я улавливала обрывки фраз на чуждых языках, чувствовала на себе взгляды. Любопытные, оценивающие, голодные.

Зал был чудовищно велик, а трон на возвышении в его конце казался недостижимой далёкой целью, маячащей в дыму благовоний.

Наконец мы достигли подножия ступеней. Стражи остановились, и теперь их приказ прозвучал ещё тише, но оттого не менее властно:

— Ваше место подле Господина.

Один из них едва заметным движением указал на пространство по правую руку от трона. Не кресло, не скамья — просто точка на каменном полу, чуть выше, чем уровень зала, но всё равно в позиции стоящего слуги, живого украшения.

Я поднялась по ступеням, чувствуя, как вес каждого шага отдаётся в висках. Кайрос восседал на троне, полуобернувшись к какому-то статному вампиру в герцогской мантии, внимая его тихому докладу. Казалось, он полностью поглощён словами подчинённого.

Но в тот миг, когда я заняла указанное место, его холодный и быстрый взгляд, как удар бича, метнулся в мою сторону. Он скользнул по моему лицу и остановился на шее. На обнажённой коже, где должен был поплёскивать бархат и холодный камень. Пауза длилась меньше секунды. Но мне показалось — нет, я увидела — как у него на виске, там, где проступала тончайшая сеть синих вен, одна из них напряглась и лопнула, оставив крошечную, почти невидимую точку под идеальной кожей.

Микроскопический взрыв ярости, запертой внутри.

Я вздернула подбородок выше.

Затем его внимание, будто пружина, вернулось к докладывающему герцогу. Ничто в его позе не дрогнуло. Он слегка кивнул, давая продолжить. Ни слова. Ни намёка. Но воздух вокруг трона стал густым, как смола, и вдруг холодным. Он не сказал ничего. Не потому что не заметил. А потому что теперь это был вопрос между нами. И он будет решён позже.

А я стояла, выпрямив спину, глядя поверх голов собравшихся, чувствуя ледяное молчание хозяина замка слева от себя и пожирающие взгляды всей его тёмной свиты впереди.

Моя маленькая победа пахла теперь не свободой, а предгрозовой озоновой свежестью. Буря, которую я так жаждала, только что получила своё первое, беззвучное предупреждение.

И исходила она не от меня.

Глава 12. Аквизиция

Время в тронном зале текло иначе. Оно не летело и не тянулось — оно густело, как холодная патока, пропитанная словами. Один доклад сменял другой, и я, недвижимая статуя по правую руку от трона, впитывала обрывки этой чужой, мрачной географии.

Герцог с лицом хищной птицы говорил о мятеже в Шельмовых лесах и «необходимости посеять соль в их землях, чтобы ничего не проросло впредь».

Графиня с глазами цвета застывшей крови докладывала о восстановлении древней усыпальницы и «случайной» гибели трёх кланов реставраторов-выскочек.

Какой-то барон бормотал о замороженной реке, в чьих глубинах проснулось «Нечто», пожирающее целые деревни. Проблема, требовавшая, судя по его тону, не решения, а лишь дополнительных квот на переселение подданных.

Это был скучный, циничный отчет о ведении вечного хозяйства на кладбище.

А я стояла.

Ноги горели и немели, спина кричала от напряжения, но подбородок был поднят, а взгляд устремлён в туманную даль, где мерцали витражи. Моё молчаливое неповиновение было единственным, что поддерживало во мне искру жизни.

И тут я почувствовала на себе иной взгляд. Не мимолётный, а изучающий, медленный, словно пробующий на вкус. Я едва скользнула глазами в сторону.

Это был молодой вампир, стоявший чуть в стороне от толпы докладчиков. Герцог Лайам, как представил его кто-то ранее. Его томный и пронизательный взгляд путешествовал по линии моего платья, задерживался на обнажённой шее, возвращался к лицу. В его глазах читалось не просто любопытство, а откровенная, праздная оценка. Как гурман разглядывает новое, экзотическое блюдо.

Казалось, никто, кроме меня, этого не заметил.

Но я ошиблась.

Кайрос, перебив очередного бормочущего управителя, лениво обвёл зал взглядом и остановил его на Лайаме. В его голосе прозвучала та самая, знакомая мне скука, окрашенная лёгкой, ядовитой насмешкой.

— Герцог Лайам, вы, кажется, отвлеклись. Ваш интерес к моей новой... аквизиции превышает интерес к состоянию ваших рудников. Может, удовлетворите наше любопытство? Что в ней такого примечательного?

В зале на мгновение воцарилась тишина.

Лайам не смутился. Он изящно склонил голову.

— Простите, господин. Просто диковинка. Такой... живой артефакт среди нашей вечной старины. Напоминает о временах, когда кровь была теплее.

Кайрос медленно хмыкнул, словно соглашаясь с какой-то внутренней шуткой. Потом поднялся с трона, разминая плечи. Движение было исполнено хищной, неспешной грации.

— Скука — худший из грехов на таком празднестве. Я хочу танцевать. — И его тяжелый взгляд упал на меня. — Ты составишь мне партию.

Это не было предложением. Он подошёл, и его рука схватила мою выше локтя. Хватка была стальной, болезненно-крепкой, вдавливающей бархат рукава в кожу. Он дёрнул меня к себе, и прежде чем я успела опомниться, его губы оказались в миллиметре от моего уха. Его шёпот был лезвием, обжигающе холодным, от которого вздрогнули и зашевелились мельчайшие волоски у виска.

— Где, — прошипел он, и каждое слово было подобно удару хлыста, — бархотка, которую я велел тебе надеть?

Внутри всё сжалось.

Но на поверхность выплыла лёгкая, почти беззаботная улыбка. Я встретила его взгляд, когда он отстранился, чтобы вести меня в центр зала.

— Ох, эта безделица? — сказала я с наигранной лёгкостью, пока он ставил мою руку себе на плечо. — Видимо, потерялась по дороге. В темноте ваших коридоров так легко что-нибудь обронить.

Он не ответил.

Музыка сменила ритм на что-то медленное, томное и невероятно древнее. Танец был не вальсом, а скорее ритуалом — тесным, почти неподвижным противостоянием двух тел.

Его рука на моей талии была не рукой кавалера, а тисками. Пальцы впивались в рёбра сквозь бархат и корсет, оставляя обещания синяков. Он прижимал меня к себе так близко, что между нами не оставалось места для воздуха, только жар моего тела и ледяной холод его. Каждый шаг, каждый поворот был принудительным, подавляющим мою волю.

Но страх, парализовавший меня прежде, куда-то испарился. На его месте зажглось что-то иное.

Извращённое, опасное удовольствие. От близости к этой абсолютной, тиранической силе. От того, что я выдержала его взгляд. От игры, в которую мы теперь играли.

— Ты думаешь, это остроумно? — пробормотал он, ведя меня в повороте, его губы снова почти касались моей кожи. — Сбрасывать мои знаки? Это не делает тебя свободной. Это лишь меняет твой статус. С домашнего питомца на дикую добычу. На которую открыта охота.

— Может, я и есть дикая, — выдохнула я, едва не споткнувшись от его нарочито резкого движения. — А вы, господин, утомились охотиться на ручных зверьков?

Его пальцы впелись в мой бок ещё сильнее, от боли у меня потемнело в глазах. Но на его губах, впервые за вечер, дрогнул не призрачный улыбки, а нечто голодное и острое.

— О, нет, мышка. Ручных — приручают, — его голос опустился до бархатного, интимного шёпота, который слышала только я. — А диких... сначала умирят. Доводят до изнеможения. Чувствуешь, как колотится твоё сердце? Как кровь стучит в висках? Это страх. Или предвкушение? В дикой природе эти чувства часто соседствуют. Прямо перед тем, как хищник вонзит клыки.

Он завершил фразу, внезапно и резко раскрутив меня, а затем снова притянув к себе, теперь уже спиной к его груди, так что я чувствовала всю мощь и холод его тела. Его губы коснулись самого краешка мочки моего уха.

— Мы продолжим этот... урок... позже. Наедине. Без зрителей. Посмотрим, насколько глубоко спрятались твои коготки.

Танец закончился.

Он отпустил меня с таким видом, будто откладывает в сторону надоевшую игрушку. Но его последний взгляд, брошенный через плечо, пока он возвращался к трону, говорил яснее любых слов: игра перешла в новую, куда более опасную фазу. И в глубине души, к собственному ужасу, я чувствовала не отторжение, а лихорадочный, тёмный интерес.

После танца с Кайросом я была подобна раскалённому металлу, брошенному в воду. Снаружи — шипение и пар, внутри — дрожь и изменённая структура. Он вернулся к трону, оставив меня в центре зала, и я поняла, что стоять на одном месте больше не могу. Ноги сами понесли меня прочь, в сторону длинных столов, ломившихся от яств, которые никто не ел.

Я схватила первый попавшийся бокал. Вино в нём было цвета чёрной вишни и пахло железом и спелым гранатом. Глоток обжёг горло ледяной, обволакивающей сладостью, от которой слезились глаза. Я поставила бокал, едва не поперхнувшись, и взяла что-то, похожее на засахарённый фрукт. На языке он рассыпался пеплом и горьким миндалём.

«Еда для мертвецов», — мелькнула мысль. Я отставила и тарелку.

Именно в этот момент ко мне подошла первая из них.

— Не по вкусу наши деликатесы, дитя? — голос был низким, бархатным, с лёгкой хрипотцой. Передо мной стояла вампирша в платье из серебряной паутины. Её лицо было прекрасной, безжизненной маской, но глаза, цвета розового золота, изучали меня с хищным, откровенным интересом, будто я была не гостей, а новым сортом того самого вина. — Плохо для пищеварения пробовать то, для чего не создан твой желудок.

— Я только знакомлюсь с местной... кухней, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— О, кухня — это только начало, — она улыбнулась, обнажив идеально ровные, слишком белые зубы и изящные клыки. — Гораздо интереснее местные нравы. Ты, я слышала, уже успела с ними познакомиться. Лично.

Она отступила, растворившись в толпе, оставив после себя привкус угрозы в воздухе.

Следующим был старый вампир с бородкой и пронзительными бесцветными глазами. Он поклонился с изысканной, старой учтивостью.

— Леди. Позвольте выразить восхищение вашей... стойкостью. Редко кто из смертных так долго выдерживает наш «воздух». — В его тоне сквозило любопытство учёного к редкому экспонату. — Интересный феномен. Не желали бы вы когда-нибудь побеседовать о ваших ощущениях? Для науки, так сказать.

Я что-то промычала в ответ, и он удалился, продолжая наблюдать за мной с другого конца зала.

Затем, к моему изумлению, ко мне протиснулась молодая на вид девушка с тревожными каре-багровыми глазами. Она оглянулась и быстрым шёпотом сказала:

— Не ешьте и не пейте ничего. И... будьте осторожнее с герцогом Лайамом. Он коллекционирует... необычные вещи.

В её взгляде читалась не злоба, а сбивчивая, испуганная доброжелательность, словно она, сама будучи в клетке, пыталась предупредить новую птицу. Она исчезла так же быстро, как и появилась, испуганно склонив голову перед проходящим мимо стражником.

Но был и другой взгляд. Жгучий, как кислота. Я почувствовала его спиной, прежде чем увидела. Обернувшись, я встретилась глазами с высокой, костлявой аристократкой в траурных чёрных кружевах. Её бледное, как бы высеченное из мрамора лицо, искажала чистая, неметафорическая ненависть. Это была не зависть к новой игрушке хозяина. Это было глубинное, родовое отвращение к моему присутствию здесь, к моей человечности, к самому факту моего дыхания в их вечном воздухе.

Она не подошла. Просто смотрела, и этого было достаточно, чтобы по коже пробежали ледяные мурашки. Казалось, её взгляд мог оставить ожог.

Я отвернулась, пытаясь отдышаться, и почти наткнулась на широкую грудь в бархатном камзоле. Это был герцог Лайам. Тот самый.

— Скучаете в одиночестве? — спросил он. Его улыбка была ослепительной, но глаза оставались холодными и оценивающими, как у торговца на невольничьем рынке. — Наш свет может быть ошеломляющим для... непривыкших. Но вы, кажется, держитесь молодцом. Для аквизиции.

Он намеренно сделал паузу на этом слове, наслаждаясь его звучанием.

— Господин Кайрос редко когда ошибается в выборе трофеев, — продолжил он, его взгляд скользнул по моей шее, где не было чокера. — Но даже самый ценный экспонат требует надлежащего... оформления. Интересно, понимает ли он это в полной мере.

Едва он произнёс эти слова, воздух вокруг, казалось, загустел и стал электрическим.

Я даже не сразу поняла, откуда исходит давление. Но Лайам мгновенно выпрямился, и его уверенная улыбка стала натянутой.

Кайрос не подходил. Он всё ещё сидел на троне, слушая очередной доклад. Но его внимание, тяжёлое и недвусмысленное, было теперь приковано к нашей группе. Он угрожающе посмотрел на герцога, сдвинув брови, и этого было достаточно.

Лайам слегка кивнул, уже не мне, а в сторону трона, и отошёл, растворившись в толпе.

Я осталась одна посреди моря чужих лиц, каждый поворот головы открывал новый тип опасности: голод, любопытство, жалость, ненависть. Я была не человеком среди вампиров. Я была кроликом, выпущенным в вольер к разным породам хищных птиц. И все они, от сокола до грифа, уже примеривались, с чего начать.

Глава 13. Прекрасное в ужасном

Я ушла. Не дожидаясь его взгляда, разрешения или очередного шёпота за спиной. Потому что, в конце концов, да пошёл он к дьяволу. Ноги сами понесли меня прочь от этого тронного ада, от взглядов-щупалец, от сладкого удушья лживых комплиментов.

Холодный воздух в коридоре показался бальзамом. Я не пошла в покои. Эта клетка с бархатными стенами была частью его мира. Я просто убежала. Отправлялась в бессмысленное странствие по лабиринту его власти, петляя, сворачивая в незнакомые арки, поднимаясь по узким лестницам и спускаясь в полуосвещённые галереи. Каждый шаг вдали от зала был глотком свободы, и я с жадностью пила этот опьяняющий, опасный воздух неповиновения.

Я воображала себя отчаянной, почти смелой.

И вот, в конце одного из самых тихих коридоров, я увидела арку. Не просто дверной проём, а настоящее архитектурное чудо. Высокая, стрельчатая, высеченная из тёмного, почти чёрного дерева, но инкрустированная причудливой вязью из перламутра и серебра. Узоры складывались в изображения незнакомых цветов и звёзд, и казалось, они мягко светятся изнутри. Она не просто вела куда-то. Она манила. Дышала навстречу тонким, едва уловимым ароматом — не смертью и пылью, а влажной землёй, ночной прохладой и чем-то цветущим. Она будто звала и шептала:

«Загляни. Только загляни».

И я, затаив дыхание, заглянула.

И застыла на пороге, сердце замерло от неожиданного восторга.

Передо мной лежал сад. Но не просто сад — это была вспоротая ночь, вывернутая наизнанку сказка. Высокий стеклянный купол, невидимый сверху, открывал вид на небо, усыпанное не белыми, а тёмно-алыми, кроваво-красными звёздами. Они мерцали глубинным, бархатным светом, словно капли старого вина на чёрном бархате. А посреди этого странного небо-склона висела луна, но не жёлтая и не серебристая, а густо-синяя, как сапфир, погружённый в чернила. Её свет лился призрачным, индиговым сиянием, окутывая всё нижележащее великолепие.

А под этим колдовским небом буйствовала жизнь. Непривычная, прекрасная, пугающая. Деревья с листьями цвета чёрнённого серебра и призрачно-белой корой протягивали ветви, усыпанные цветами, похожими на хрустальные колокольчики, в глубине которых пульсировал мягкий свет. По извилистым тропинкам из молочно-белого камня стелился бархатный мох, испещрённый крошечными бирюзовыми огоньками, будто светлячками, вмёрзшими в землю. Вода струилась по стенам из чёрного обсидиана не ручьями, а тягучими, сияющими потоками жидкого серебра, чтобы собраться в зеркальных прудах, где плавали рыбы с прозрачными, как стекло, телами и светящимися скелетами. Воздух был густым, прохладным и пьянящим от ароматов, которых я не могла назвать: смесь горького шоколада, ночных орхидей, влажного камня и той самой далёкой, чистой звёздной пыли.

Я стояла, вцепившись в косяк арки, и чувствовала, как по щекам катятся слёзы. От красоты. От несправедливости.

Как в таком месте, пропитанном смертью, холодом и тиранией, могло жить такое великолепие?

Это был парадокс, удар прямо в сердце. Этот сад был душой замка. Не злой, не жестокой, а бесконечно печальной, одинокой и невероятно, душераздирающе прекрасной. Он не был создан для устрашения. Он был создан для тоски по чему-то безвозвратно утерянному. Или, может быть, по чему-то, что так и не наступило.

Я сделала шаг вперёд, затем другой. Хрустальный гравий тихо поскрипывал под ногами. Я была здесь одна, под алым небом и синей луной, в самом сердце чужого кошмара, который вдруг оказался прекраснейшим сном. И на миг мне показалось, что если здесь есть что-то настоящее, неискажённое его волей, так это — этот сад. И это открытие было одновременно щемлящим и дарующим странную, хрупкую надежду.

Я стояла, запрокинув голову, вдыхая пьянящий аромат хрустальных колокольчиков, и позволяла синему свету луны омыwać лицо. На миг всё забылось: и бальный зал, и хищные взгляды, и ледяные пальцы на моём боку. Здесь была только красота, странная и пугающая, но настоящая. Я протянула руку, чтобы коснуться прохладного лепестка...

И вдруг, всё изменилось.

Воздух не дрогнул. Звуков не прибавилось. Аромат цветов не сменился. Но каждая пора на моей коже забила тревогу. Волоски на руках и задней части шеи встали дыбом, по спине побежали ледяные мурашки. Примитивный, животный сигнал, древнее разума.

Опасность.

Не абстрактная, не будущая.

Здесь и сейчас. Хищник вышел на охоту, и добычей была я.

Я замерла, слух напрягся до предела, ноздри расширились, ловя малейший намёк.

Ничего. Только тихий шелест серебристых листьев. Но я знала. Кто-то был здесь. В этом прекрасном, мёртвом саду. И он смотрел на меня из темноты между деревьями.

Сердце, только что спокойное, вдруг сорвалось с места, заколотилось где-то в горле, бешеным, глухим стуком заполнив уши.

Тук-тук-тук-тук.

Острый и горький адреналин ударил в кровь.

Разум кричал: «*Беги!*»

И я побежала.

Без мысли, без цели, прочь от невидимого взгляда. Ноги впутались в подол тяжёлого платья, хрустальный гравий скользил под тонкими подошвами туфель. Я металась между черно-серебряными стволами, петляла, спотыкалась о выступающие корни, похожие на кости, захороненные во мху. Один раз упала, сильно, всей тяжестью, и острый камень впился в ладонь, оставив горячую, липкую полосу. Боль пронзила, но страх был сильнее. Я вскочила, даже не почувствовав её, и рванула дальше.

Я не видела его. Не слышала. Но знала, он следует.

Неотступно. Беззвучно. Как тень, которую отбрасывает сама луна. Он наслаждался погодой.

Наконец деревья расступились, и я вылетела на небольшую опушку, залитую концентрированным синим светом. В центре стояло одно-единственное дерево с гладкой, почти зеркальной корой. Я остановилась, грудью впиваясь в неподвижный воздух, пытаюсь отдышаться. Горло сжимали спазмы. Я кружилась на месте, дико вглядываясь в кольцо темноты, окружавшей поляну.

Никого.

Тишина была совершенной, звенящей.

Может, показалось? Может, это был просто приступ паники?

И в этот миг абсолютной, обманчивой тишины, он напал.

Не с рёвом, а с тихим свистом рассекаемого воздуха. Тело, твёрдое как сталь и холодное как могила, накрыло меня сзади, выбив из лёгких весь воздух одним мощным толчком.

Меня с силой, ломающей рёбра, припечатали к гладкому стволу дерева. Его руки, нечеловечески сильные, сомкнулись вокруг моих запястий, заломили их и прижали над головой к коре. Я была обездвижена, зажата между неумолимым деревом и неумолимым телом.

Чистый, животный, ледящий страх накрыл с головой. Я не могла дышать, не могла крикнуть. Только беззвучно ловила ртом холодный воздух, а сердце колотилось так, будто хотело вырваться через грудную клетку.

Затем губы коснулись моего уха. Нежно. Почти ласково. И его голос, низкий, бархатный и полный смертельной услады, прошептал слова, которые проникли прямо в мозг:

— Бегаешь, как испуганный мышонок... Это так мило. Только дразнит аппетит.

И что-то щёлкнуло внутри.

Ледяной ужас никуда не делся, он сжимал горло. Но сквозь него, как ядовитый цветок сквозь асфальт, пробилось иное чувство. Острое, запретное, постыдное.

Возбуждение.

От этой абсолютной, подавляющей силы. От опасности, что дышала в затылок. От интимности этого плена. Внизу живота возникла горячая, тягучая пульсация, противоречащая всему, что должно было происходить. Стыд смешался со страхом и породил невыносимый, пьянящий коктейль.

Я почувствовала, как его свободная рука скользнула по моему боку, к локтю, затем к предплечью. Медленно, почти с ритуальной нежностью, он закатал мой рукав, обнажив кожу, покрытую мурашками. Дыхание его на моей шее стало чуть тяжелее.

— Ты пролила свою кровь в моём саду, — прошептал он, и в голосе послышалось что-то вроде одобрения. — Позволь мне её попробовать.

Кайрос медленно провёл языком по моей кровоточащей ладони. Шершавый, обжигающе холодный, он собрал каждую каплю, и в этом прикосновении я, к своему ужасу, нашла извращённое удовольствие.

Оно было острым и грязным, как признание собственного падения.

Через секунду или, может, вечность я ощутила на своем запястье два точных, как скальпель, прокола. Боль была острой, но не огненной, а ледяной, будто в тело вонзили сосульки. Я вскрикнула, но звук задохнулся, замер где-то в глубине горла, не в силах пробиться наружу.

И началось...

Это было не просто питьё. Это было вторжение. Не только физическое, а самое что ни на есть чувственное. С каждым глотком моей крови я ощущала отдающуюся в моих же жилах волну его тёмного, бездонного и первобытного наслаждения. Она передавалась через укус, как ток по проводу, заражая меня чуждой эйфорией.

Это было осквернение.

И в то же время, самая странная, самая развратная близость, какую только можно вообразить.

Страх и возбуждение слились воедино, танцуя на самом острейшем лезвии. Весь мир сжался, схлопнулся до нескольких точек: ледящей боли в руке, давящего холодного тела, пригвождающего меня к дереву, и этого нарастающего, позорного, неконтролируемого трепета глубоко внутри, который делал меня молчаливой соучастницей моего же собственного уничтожения.

Глава 14. Последствия и союзники

Когда его губы отпустили мою кожу, а холодный язык в последний раз провёл по ранке, запечатывая её странным, ледящим ощущением, мир не вернулся на место.

Он накрепился.

В ушах звенела тишина, перемешанная с бешеным стуком моего сердца, которое теперь работало с трудом, будто качало густую, тяжёлую патоку. Тело, прижимавшее меня к дереву, отстранилось, и я, лишённая его поддержки, медленно сползла по гладкой коре на колени. Ноги подкосились, подол платья впитал холодную влагу мха.

Кайрос стоял надо мной, заслоняя синюю луну. В его глазах ещё тлели отблески недавней трапезы. Тот самый тёмный, сытый блеск. Но теперь к нему добавилось что-то ещё: холодное, аналитическое наблюдение. Он смотрел, как дрожь пробивает меня с головы до ног, как я пытаюсь отдышаться, как пальцы судорожно впиваются в бархат мха.

— Встань, — произнёс он. Голос был ровным, без тени той интимной жестокости, что звучала в нём минуту назад. Он снова был лордом, хозяином, оценивающим состояние своей собственности после... использования.

Мои собственные попытки подняться были жалкими. Ноги не слушались, в голове гудело, а внизу живота всё ещё пульсировало то странное, стыдное возбуждение, теперь обернувшееся тошнотворной слабостью. Я сделала рывок, оперлась о дерево и, пошатываясь, встала. Платье было разорвано у локтя, руки в царапинах и земле, волосы выбились из пучка и прилипли к влажному виску. Я, должно быть, выглядела как загнанный зверь после схватки с чем-то несравнимо более могущественным.

Что, собственно, так и было.

Он молча окинул меня взглядом, и в уголке его рта дрогнула тень чего-то, что можно было принять за удовлетворение.

— Ты научилась чувствовать присутствие хищника. Это хорошо. Хотя твоя реакция — бегство в слепую панику — остаётся примитивной. — Он сделал шаг в сторону. — Идём. Приём окончен. Гости разъезжаются. Твоё отсутствие уже могли заметить.

Он не стал ждать и пошёл по тропинке, не оглядываясь, уверенный, что я последую. И я поплелась за ним, как побитая собака, чувствуя, как каждая мышца стонет, а вена на руке под высохшей кровью странно ныла, но не болью, а глубокой, сосущей пустотой. Унижение жгло изнутри сильнее, чем страх. Унижение от собственной слабости, от того тайного отклика моего тела на его насилие.

Мы шли молча. Прекрасный, страшный сад теперь казался неммым свидетелем моего позора. Алые звёзды насмешливо подмигивали, синяя луна освещала мой жалкий вид. Он вёл меня не через парадные залы, а по каким-то служебным, узким переходам, где пахло пылью и старой штукатуркой. Здесь не было роскоши, только голый камень и редкие факелы в железных держателях.

Именно в одном из таких коридоров, у ничем не примечательной дубовой двери с железными засовами, он остановился.

Не тронный зал.

Не моя комната.

— Здесь, — сказал он просто, отодвигая тяжёлый засов.

Дверь со скрипом открылась, впуслав волну запахов, от которых я вздрогнула: сушёные травы, что-то химическое, металл и... та самая сладковатая гнильца, что витала в саду, но здесь она была гуще, землистее.

Внутри было что-то среднее между лабораторией алхимика и оранжереей для уродцев. Полки, заставленные склянками с мутными жидкостями и засушенными растениями неземного вида. Столы, заваленные инструментами, которые я не могла опознать. И в центре, под светом одинокого магического шара, висевшего под потолком — несколько горшков с теми самыми хрустальными цветами из сада. Только здесь они выглядели иначе: менее прекрасными, более... функциональными. На некоторых даже виднелись капли липкого нектара.

— Садись, — Кайрос указал на табурет у одного из столов.

Я машинально подчинилась. Он тем временем с ловкостью аптекаря начал что-то готовить, переливая жидкости, растирая в ступке тёмный порошок. Его движения были точными, быстрыми, лишёнными всякой театральности. Это была работа ремесленника.

— Укус вампира, — заговорил он, не глядя на меня, — не просто рана. Это введение в твой организм чужеродного фермента. Он замедляет свёртываемость, притупляет боль, вызывает... эйфорию. И цепкую зависимость. Ты почувствовала это.

Кайрос не спрашивал.

Я молчала, сжав кулаки. Да, я чувствовала. Это позорное возбуждение, эту тягу, которая заставила мой организм откликнуться на насилие, как на наслаждение.

— Твоя реакция была нетипично сильной, — продолжал он, нанося полученную пасту на тонкую полоску пергамента. — Для смертной. Обычно они либо впадают в кататонический ужас, либо умирают от шока. Ты же... осталась в сознании. И даже проявила признаки соматического отклика. Интересно.

Кайрос подошёл и без церемоний взял мою раненую руку. Его прикосновение было теперь чисто деловым, холодным. Он очистил царапины на ладони каким-то жгучим раствором, от которого я взвизгнула, а затем наложил поверх ту самую пропитанную пастой полоску пергамента. На месте она мгновенно похолодела, и ноющая боль притупилась, сменившись ощущением онемения.

— Это предотвратит инфекцию и ускорит заживление. Ты не можешь позволить себе слабеть, — сказал он, как если бы объяснял правила ухода за инструментом. — Ты теперь не просто пленница. Ты публичный объект. И моя аквизиция. Твоё нездоровье бросит тень на мою репутацию.

Его слова падали, как камни. Он не утешал. Он доносил до меня, как на самом деле обстоят дела. И в этой безличной констатации фактов было что-то новое. Кайрос видел во мне не только игрушку или добычу. Он видел инвестицию. Актив, требующий обслуживания.

— Зачем ты привёл меня сюда? — наконец выдохнула я. — Чтобы продемонстрировать свою заботливость?

Он хмыкнул, убирая склянки.

— Чтобы продемонстрировать реальность. Ты играешь в опасные игры, сбрасывая ошейники и убегая в ночь. Игры имеют последствия. Твоё тело сейчас переживает шок и химическую перестройку. Через несколько часов начнётся озноб, лихорадка, сильнейшая жажда. Обычная еда и вода будут вызывать отвращение. Ты захочешь только одного.

Я слотнула.

Он говорил о крови.

Его крови? Или вообще любой?

— Это пройдёт? — спросила я, ненавидя дрожь в своём голосе.

— Зависит, — он повернулся ко мне, и в его глазах вспыхнул тот самый любопытный, аналитический огонёк. — От тебя. От того, насколько сильна твоя воля. И от того, как часто будет повторяться... контакт. Теперь твой организм узнал вкус. Он будет жаждать его снова. Как любая зависимость.

От этих слов стало ещё холоднее. Кайрос не просто наказал меня. Он изменил меня. Сделал зависимой от самого акта насилия.

— Я... я не позволю этому случиться, — пробормотала я, но звучало это жалко и неуверительно даже для моих собственных ушей.

Кайрос лишь поднял бровь.

— Посмотрим. А теперь иди. Лигейя отведёт тебя в покои. Завтра начнётся твоё настоящее обучение.

— Настоящее? — я уставилась на него.

— Этикету. Основам истории наших родов. Языку теней. Ты должна уметь поддерживать беседу и не позорить меня на следующем приёме. А также, — он сделал паузу, — ты знаешь, как управлять своими новыми... импульсами. Как не дать жажде затмить разум. Это будет в твоих же интересах.

Он открыл дверь и жестом указал наружу. В коридоре, как призрак, уже стояла Лигейя, её лицо было бесстрастным, как всегда.

Я вышла, пошатываясь.

Мир перевернулся.

Я думала, что бунтую. Что моё неповиновение — это акт свободы. А он превратил его в часть своего плана. В урок. Он предвидел мои действия, позволил мне убежать, позволил даже испытать этот всплеск мнимой смелости, только чтобы затем показать мне всю глубину моей уязвимости и зависимости. И теперь предлагал не просто цепи, а... обучение. Систему. Чтобы я стала лучше выполнять функцию украшения, вещи, аквизиции.

По дороге в покои я молчала. Лигейя тоже. Когда дверь в мою комнату закрылась за мной, я прислонилась к ней и закрыла глаза. Рука под пергаментной повязкой пульсировала. Воспоминания о саде, о его укусе, о волне чужого наслаждения накатывали приступами, заставляя сердце биться чаще, а живот сжиматься то от страха, то от того самого, неистребимого раздражающего возбуждения.

Я была сломлена? Да.

Унижена? Безусловно.

Но в самой глубине этого отчаяния, под толщей страха и шока, теплилась новая, странная мысль.

Он сказал: «Зависит от тебя. От твоей воли».

Кайрос признал, что во мне есть что-то, что может сопротивляться. И он собирался это тренировать. Не просто ломать, а шлифовать. Как точат клинок.

Он хотел сделать из меня идеальную вещь. Но что, если в процессе я научусь обращать его уроки против него самого? Что, если эта «жажда», эти «импульсы» станут не моими цепями, а моим оружием?

Я подошла к зеркалу. В нём отражалась испуганная, бледная девушка в грязном разорванном платье, с безумными глазами и следом от укуса на предплечье. Я коснулась этого места. Кожа была холодной и гладкой, как мрамор.

— Хорошо, милорд, — прошептала я своему отражению, и в голосе впервые за вечер послышалась не дрожь, а хрипящая, едва уловимая сталь. — Начнём обучение. Посмотрим, кто чему научится в итоге.

Глава 15. Тактика выживания

Утро не принесло облегчения. Оно принесло Лигейю с подносом, на котором дымилась чашка чего-то смолистого и черного. Запах был отвратителен — смесь полыни, гвоздики и тления.

— Настой для укрепления духа и очищения крови после ночного... стресса, — пояснила служанка своим безжизненным голосом. — Приказано выпить.

Я взглянула на чашку, потом на её бесстрастное лицо.

— Спасибо, — сказала я вежливо. — Поставь на стол.

Лигейя не шелохнулась.

— Приказано выпить. Сейчас.

Внутри всё сжалось.

«Приказано».

Его воля, переданная через эту безликую куклу. Я медленно поднялась с кровати, подошла к столу и взяла чашку. Жидкость была горячей. Я поднесла её к губам, сделала вид, что отхлебнула, и тут же, будто в приступе кашля, резко развернулась к окну, расплескав добрую половину содержимого за тяжелую портьеру. Обернулась с притворно виноватым видом.

— Ой, какая я неуклюжая. Наверное, ещё не отошла от вчерашнего. Доложите господину, что я приняла лекарство, как он велел.

Я поставила почти полную чашку обратно на поднос. Лигейя смотрела на меня несколько секунд, её взгляд был пуст, но я знала, она всё поняла. Тем не менее, она лишь молча кивнула и вышла.

Первый маленький выдох неповиновения. Горьковатый, как тот настой, но сладкий на вкус.

«Обучение» началось в полдень. Меня привели не в библиотеку, а в холодный, аскетичный кабинет с огромным столом из черного дерева. Кайрос уже ждал. Он был одет не в парадные одежды, а в чёрный камзол, и выглядел как строгий, бесконечно уставший от всего на свете наставник.

— Садись, — указал он на стул напротив. — Сегодня — основы геральдики и титулования. Ты должна научиться без запинки определять ранг по гербу и обращаться соответственно.

Он разложил передо мной пергаменты с изображениями сложных гербов. Орлы, драконы, розы, опутанные шипами...

— Этот, — он ткнул длинным пальцем в щит с серебряной гидрой на кровавом поле, — герцоги Морвен. При обращении — «Ваша Светлость». Никогда не смотри им прямо в глаза более трех секунд. Они считают это вызовом.

Я молча слушала, но вместо того чтобы запоминать, я начала искать в этих гербах не закономерности, а несоответствия. На гербе с драконом одна лапа была неестественно вывернута. На другом щите количество лилий на поле не соответствовало каноническому числу для этого дома.

— А здесь, — я осторожно коснулась кончиком пера искаженной лапы, — это ошибка художника или намеренный намёк на какую-то... слабость рода?

Кайрос замер. Его взгляд скользнул с герба на мое лицо. В его глазах мелькнуло не раздражение, а интерес и аналитическое любопытство.

— Намеренный, — сухо подтвердил он. — Дракон Морлоков был повержен ударом именно в эту лапу. И ты первая, кто заметил это за пять минут, а не за пять лет. Но это не входит в программу. Запомни титул. «Ваше Сиятельство».

Я кивнула, сделав вид, что согласна. Но мысль уже работала: он дал мне инструмент — знание. И я тут же попыталась использовать его не так, как он ожидал. Не для покорности, а для понимания их слабых мест.

Урок сменился другим. Язык Вечности. Система почти невербальных сигналов, жестов, интонаций в вампирском обществе.

— Сложенные на коленях руки ладонями вверх — знак открытости, но также и готовности принять дар, — монотонно объяснял он. — Поднятый подбородок с прикрытыми веками — превосходство, смешанное со скукой.

Когда он попросил меня продемонстрировать жест «смиренной благодарности» (голова слегка наклонена, взгляд опущен, правая рука на области сердца), я выполнила все безупречно. Но добавила едва заметную деталь, мизинец на руке у сердца был слегка отставлен.

Неправильно. Не по канону.

Мелочь, которую никто, кроме педантичного знатока, не заметит.

Но он-то заметил.

— Мизинец, — произнес он без эмоций.

— Ах, простите, — с фальшивой наивностью воскликнула я. — У меня со вчерашнего... немеет. От холода.

Кайрос ничего не ответил. Но я увидела, как его взгляд на мгновение стал острее. Он понял. Это была не ошибка. Это был намёк. Намёк на его укус, на холод, который он в нее вложил. Неповиновение не в крике, а в искаженном жесте покорности.

К вечеру объявили, что он ужинает один. Мне прислали ужин в покои: изысканное рагу, фрукты, вино. И отдельно, небольшой хрустальный флакон с алой жидкостью внутри. Никаких пояснений. Но я поняла. Это было «лекарство». То самое, чего, по его словам, будет жаждать мое тело.

Я съела рагу (оно было пресным и безвкусным, будто пепел). Выпила воду. Вино и флакон остались нетронутыми. Когда Лигейя пришла забирать поднос, ее взгляд задержался на полном флаконе.

— Господин спросит, — сказала она просто.

— И ты ему ответишь, — парировала я, глядя ей прямо в глаза.

Ночь стала испытанием.

Кайрос не солгал.

Начался озноб. Ломота в костях. Сухость во рту стала такой, что каждый поток воздуха обжигал. И жажда. Не на воду. На что-то острое, металлическое, живое. Я лежала, сжав зубы, впиваясь ногтями в ладони, где уже заживали царапины. Перед глазами стоял тот флакон. Достаточно было протянуть руку...

Я не пошевелилась.

Боль и слабость были моими союзниками. Каждая дрожь, каждый приступ тошноты были доказательством. Он может влиять на мое тело, но не на мой выбор.

Пока я отказываюсь, я жива. Я — не его.

Под утро, в полусне, меня навестил кошмар. Не о нем. О саде. Но в том сне я не убегала. Я стояла под синей луной, и из земли у моих ног проросли не хрустальные цветы, а острые черные шипы. И я понимала, что это часть сада. Его оборотная, настоящая сторона.

Проснулась я разбитой, но с четким чувством внутри. Он хотел сделать меня вещью? Хорошо.

Я буду самой неудобной, колючей, непредсказуемой вещью в его коллекции. Вещью, которая режет руки, когда за нее хватаются.

Когда Лигейя принесла новое платье (снова изумрудное, но с более высоким, «скромным» воротом, явно чтобы скрыть возможные следы), я надела его. А затем взяла со стола

брошь в виде паука, что лежала среди прочих безделушек, и приколола ее к складкам у бедра. Не там, где положено, а боком, будто паук ползет.

Нарушая симметрию. Нарушая правила.

Пусть он учит меня своим законам. Я буду изучать их так, чтобы находить в каждой щель для бунта. Самого тихого, самого упрямого. Потому что теперь я поняла: в этом мире, где сила решает все, мое единственное оружие это отказ. Отказ подчиняться, отказ становиться удобной, отказ даже в мелочах признать его полную власть.

Это была не победа. Это была тактика выживания окопавшейся армии. Но пока я могла сказать «нет», даже молча, даже одним неправильно поставленным мизинцем, я не была сломлена.

Я была проблемой.

А с проблемами, как я начинала понимать, Кайросу приходилось работать.

И это было уже кое-что.

Глава 16. Испытание на волеизъявление

«Испытание на волеизъявление».

Так Кайрос обозначил нашу сегодняшнюю прогулку.

— Ты усвоила основы. Теперь нужно увидеть, как теория работает в живой среде. Без защитных стен, — произнёс он, застёгивая у запястья перчатку из чёрной кожи. В его тоне не было ни волнения, ни даже намёка на заботу.

Мы вышли не через главные ворота, а через малозаметную калитку в самой старой части стены. Вместо пышных экипажей нас ждала закрытая чёрная карета без окон, запряжённая двумя невероятно крупными, совершенно чёрными лошадьми с красноватым отсветом в глазах.

Дорога казалась бесконечной и странной. Я не видела пейзажа, но чувствовала, как карета то ныряет в холод, от которого стынет кожа, то взлетает на виртуальный гребень, заставляя сердце проваливаться в пятки. Воздух внутри сгущался, наполняясь металлическим привкусом статики.

— Мы пересекаем пограничные слои, — равнодушно пояснил Кайрос, следя за моей бледностью. — Замок стоит на разломе. Ты выходишь не просто в город. Ты выходишь в наш мир.

Когда карета наконец остановилась, и дверь открылась, меня охватило головокружение. Воздух был другим. Не свежим, нет. Он был прохладным, влажным и тяжёлым, как спёртый воздух в гигантском склепе, но с примесью дыма, специй и чего-то сладковато-гнилостного. И звуки... не было птичьего щебета, лая собак, привычного городского шума. Был низкий гул, похожий на отдалённый рокот водопада, перемежаемый скрипом железа, редкими шагами по брусчатке и приглушёнными, шипящими голосами.

«Город» был похож на кошмарную гравюру. Узкие, кривые улочки взбирались на холмы или проваливались в тёмные пропасти между зданиями. Архитектура была чудовищным смешением эпох и стилей: готические шпили прорастали из домов, похожих на римские виллы, стены которых были покрыты живыми, бледно-светящимися плесневыми узорами. Вместо солнца или луны — огромное, тусклое марево, висящее в багрово-лиловом небе, источник тяжёлого, рассеянного света, не отбрасывающего чётких теней.

И люди.

Вернее, не-люди. Они двигались по улицам неторопливо, словно под водой. Большинство были вампирами аристократического вида, в тёмных, дорогих одеждах, их бледные лица хранили вечную маску пресыщенности.

Но были и другие. Существа, похожие на скрюченных стариков с кожей, как пергамент, с длинными когтями. Тени, скользящие по стенам. В воздухе стоял постоянный, едва слышный гул, шёпот тысяч бесед, сливающихся в один неразборчивый поток.

Кайрос шёл рядом, не касаясь меня, но его присутствие было щитом. Взгляды, скользившие по нам, тут же отводились, стоило лишь заметить его. Он был безмолвным центром, вокруг которого расступалась реальность.

— Это — Нижний Базар, — его голос звучал ровно, как на уроке. — Здесь торгуют вещами, которые потеряли ценность в высших кругах. Слева — квартал Древних Склепов. Там обитают те, кто предпочитает сон бодрствованию. Не приближайся. Там пахнет забытьём, и оно заразно.

Он показывал, рассказывал, называл имена родов, чьи гербы красовались на мрачных фасадах. Его экскурсия была безупречной, информативной и абсолютно бесчувственной. Он говорил о своём мире как о сложном, но логичном механизме, где у каждой детали своё место.

Моё место в этом механизме, как я понимала, было где-то между редкой безделушкой и клеймом на его репутации.

И чем больше он говорил, тем сильнее во мне зрело желание.

Не просто бунта.

Побега. Настоящего.

Здесь, в этом лабиринте чужих страхов и опасностей, у меня был шанс. Кайрос был уверен в своей власти, в своём контроле. Он думал, что я напугана и подавлена. Отчасти так и было. Но страх горел теперь яростным, отчаянным пламенем.

Мы повернули в особенно узкий переулочек. С одной стороны нависала стена какого-то мраморного дворца, с другой — ряд низких, тёмных лавок с запёртыми ставнями. Кайрос на секунду остановился, рассматривая некий символ, высеченный на стене.

— Интересная архаичная вязь. Род Келлов, я думал, их наследие полностью утеряно...

Он углубился в изучение. Его внимание, пусть и на мгновение, отвлеклось.

Сейчас.

Сердце в груди превратилось в бешеный молот. Я не думала. Я просто сделала шаг назад. Ещё один. Затем развернулась и бросилась бежать обратно, к началу переулочка, откуда доносился чуть более оживлённый гул.

— Стой! — его голос прозвучал у меня за спиной.

Не громко. Спокойно. Но в этом спокойствии было такое давление воли и уверенность, что ноги на миг одеревенели. Я преодолела паралич и рванула вперёд.

Я бежала, не разбирая дороги, сворачивая в первые попавшиеся проулочки. Кривые улочки сливались в кошмарный лабиринт. Я бежала от одного ужаса — прямо навстречу другому.

Вскоре я поняла, что заблудилась. Архитектура стала проще, грубее. Исчезли аристократические гербы, зато на стенах появились грубые отметины, следы когтей, непонятные тёмные пятна. Воздух пропитался запахом дешёвой крови, псины и разложения. И я почувствовала на себе взгляды. Не мимолётные, а пристальные и голодные.

Я затормозила, пытаюсь перевести дух, и огляделась. Я стояла на маленькой, грязной площади, замощенной неровным, потрескавшимся камнем. Из тёмных арок, из-за грубых деревянных столбов начали появляться фигуры. Их было пятеро, может, шестеро. Не аристократы. Это была городская шваль, оборотничья голь. Их одежда была поношенной, лица оскаленными, хищными, с желтоватым отсветом в глазах. Я видела их раньше, когда шла с Кайросом. Они тогда прятались в тени, сторонились. Теперь тенью стала я.

— Смотри-ка, пташка заблудилась, — прошипел один, высокий и тощий, с длинными, грязными ногтями. — Из господского курятника выпорхнула.

— Пахнет... свеженькой, — добавила другая, женская фигура с лицом, исцарапанным шрамами. — И страхом. Сладко.

Они обступали меня, медленно смыкая кольцо. Их зловонное и горячее дыхание доносилось до меня. Инстинкт кричал бежать, но ноги были как ватные, а дороги назад не существовало. Они отрезали все пути.

— Лорд... Кайрос... — вырвалось у меня. Последняя, жалкая попытка щита.

Хищный смех, сухой и трескучий, был мне ответом.

— Его тут нет, кровавая конфетка. А его метка на тебе... слаба. Только аппетит разжигает.

Один из них, приземистый и широкий в плечах, сделал резкий выпад. Я отпрыгнула, споткнулась о камень и упала на спину. Боль пронзила локоть, но было не до неё. Они нависли надо мной, блокируя багровое небо. Я видела оскаленные клыки, блестящие от слюны. Чувствовала их голод, дикий, необузданный, лишённый даже намёка на ту холодную церемонность, что была у Кайроса.

Это был конец. Не ритуал, не урок. Это был тупой, жестокий убой.

Я закрыла глаза, вжавшись в холодный камень, ожидая удара, боли, разрыва.
Но удар не пришёл.

Вместо него раздался звук. Это был низкочастотный гул, вибрация, исходящая от самой земли и воздуха, от которой задрезбжали камни мостовой. Я открыла глаза.

Нападавшие замерли, как вкопанные. Их оскалы сменились масками первобытного, животного ужаса. В следующее мгновение пространство вокруг них схлопнулось.

Это было невозможно описать. Это было похоже на то, как невидимые тиски из чистой тьмы сжали их со всех сторон.

Не было крови, не было криков. Только короткий, приглушённый хруст, будто ломали сухие ветки. Тела нападавших неестественно выгнулись, скорчились, а затем бесшумно рухнули на камни, превратившись в бесформенные, тёмные кучи тряпья и костей.

Всё заняло меньше трёх секунд.

И тогда из тени арки прямо передо мной вышел он.

Казалось, сама тьма сгустилась, чтобы принять его форму.

Кайрос.

На его лице не было ни гнева, ни даже привычной скуки. Было нечто ледяное и абсолютное, как закон всемирного тяготения, приведённое в действие. Он даже не был запачкан. Он просто смотрел на то, что осталось от нападавших, с лёгким оттенком брезгливости, как на раздавленных насекомых.

Затем его взгляд медленно перешёл на меня. Я всё ещё лежала на земле, дрожа от шока и невыразимого облегчения, смешанного с новым, более глубоким ужасом.

Кайрос подошёл, и его тень накрыла меня целиком. Он не предлагал руку. Он просто стоял и смотрел, давая своим молчанием.

— Глупенькая мышка, — произнёс он наконец. Его голос был тихим, почти ласковым, и от этого по спине пробежал ледяной пот. — Куда ты собиралась убежать?

Я не могла вымолвить ни слова, лишь смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Ты думала, это просто город? — он медленно обвёл рукой горизонт, этот кошмарный пейзаж под багровым небом. — Это не другой район. Это другая реальность. Ты находишься по ту сторону портала, за границами твоего привычного мира. Здесь нет солнца. Здесь нет людей. Здесь есть только мы. И те, кто служит нам пищей. Ты — не гость здесь. Ты — либо собственность, либо еда. Другого не дано.

Кайрос наклонился, и его лицо оказалось в сантиметрах от моего. В его глазах я увидела не злорадство, а нечто худшее. Разочарование. Разочарование в моей неспособности понять самые основы моего нового существования.

— Твой побег был не бунтом. Он был детским лепетом, жестом самоубийцы. Я показал тебе этот мир не для того, чтобы ты пыталась в нём затеряться. Я показал его тебе, чтобы ты, наконец, осознала: твой старый мир для тебя мёртв. Здесь — твоё небо. Здесь — твоя земля. И здесь — твой хозяин.

Он выпрямился.

— Встань. Мы возвращаемся.

На этот раз я не нашла в себе сил даже на тихое неповиновение. Я встала, пошатываясь, вся в пыли, с разодранным локтем и душой, вывернутой наизнанку от осознания. Не было надежды. Не было даже иллюзии выбора. Была только бесконечная, чужая ночь, и он был её неоспоримым властелином.

Обратный путь в карете я провела в оцепенении, глядя в пустоту. Порталы, разломы, другая реальность... Кайрос не просто забрал мою свободу.

Он украл у меня сам мир.

И в этом новом мире не было щели, куда могла бы проскользнуть даже самая отчаянная надежда на побег. Только бескрайняя, удушьяющая тьма, частью которой был и он сам.

И моё место в ней было определено раз и навсегда.

Глава 17. Кровавый камень в фундаменте

Комната не была клеткой. Клетка предполагает границы, которые можно потрогать, потрясти, попытаться раздвинуть. Эта комната была пустотой. Красиво обставленной, дышащей историей и чужим могуществом, но пустотой.

Я сидела за письменным столом, уставясь в оконное стекло, с которого кто-то снял запирающие ставни, позволяя мне любоваться чужим небом. Там вечно царил тот самый сумрак, сменяющийся лишь черной ночью. Багровый отсвет давно сменился глубоким индиго, усеянным холодными, немигающими точками — не звёздами, а чем-то иным.

Эмоции кончились. Страх выгорел в пепел бессилия после того, как я узнала, что бежать некуда. Ярость, которую я так лелеяла, растворилась в осознании, что мой бунт — это танец на ладони у того, кто держит весь этот мир. Осталась только беззвучная опустошённость. Я была как кукла, выброшенная на берег чужой, непостижимой вселенной. Я не понимала, где нахожусь. Не понимала правил этого места. Даже собственное тело стало чужим, оно тосковало не по дому, а по яду его укуса, и эта мысль вызывала не бурю, а тихое, гадливое отвращение к самой себе.

Дверь открылась и вошла Лигейя с подносом. Запах еды, какого-то томлёного мяса с травами, донёсся до меня, и желудок судорожно сжался, посылая в горло волну тошноты.

— Вам нужно поесть, мисс, — её голос прозвучал, как всегда, ровно. Но сегодня в нём, или мне показалось, была не механическая повинность, а усталость. Усталость от моего упрямства.

— Уберите, — сказала я, не оборачиваясь. — Я не голодна.

Так же, как вчера. И как позавчера. Я питалась лишь водой и своей собственной яростью, а когда ярость кончилась, не захотела и воды.

Лигейя не ушла. Она поставила поднос на стол рядом и замерла.

— Он... Господин приказал следить, чтобы вы не слабели, — произнесла она, и в её фразе вдруг проступила не тревога за приказ, а что-то другое. Почти человеческое беспокойство. — Вы не спите. Не едите. Это... вредно для человеческой девушки.

Я медленно повернула голову и впервые за долгое время пристально посмотрела на неё. На её всегда бесстрастное лицо, на руки, сложенные перед фартуком. В её глазах, обычно пустых, как заброшенные колодцы, я увидела свое жалкое и бледное отражение с потухшим взглядом. А в её взгляде не сочувствие. Скорее, узнавание. Узнавание того же самого беспросветного отчаяния, знакомого до боли.

— Просто оставьте, — прошептала я, и мой голос прозвучал хрипло и сломано. — Пожалуйста.

Она постояла ещё мгновение, затем коротко кивнула, оставила поднос и вышла, закрыв дверь беззвучно, как тень. Её молчаливое участие, эта крошечная попытка проявить теплоту, была словно капля горячей воды на льдину — не растопила, а лишь заставила болезненно сжаться.

Я снова уставилась в окно. Время потеряло смысл. Оно могло быть минутой или часом.

Дверь открылась снова. Я вздрогнула, не оборачиваясь.

— Лигейя, я же сказала, оставьте меня. Мне не нужно ни вашей еды, ни ваших... уговоров. Уходите.

Шагов не последовало. Но я почувствовала, как воздух в комнате изменился. Он стал тяжелее, плотнее, наполнился тем знакомым, невыносимым давлением, которое теперь было единственным, что могло пробиться сквозь моё оцепенение.

Я медленно обернулась.

Кайрос стоял у двери, прислонившись к косяку. Он был без парадного камзола, в простой тёмной рубашке, и выглядел... обыденно. И от этого ещё более чуждым и опасным.

— Уговоры — не в моём стиле, — заметил он. Его взгляд скользнул по нетронутому подносу, по моему лицу, и я увидела в нём не гнев, а скорее раздосадованность. — А вот наблюдение за угасанием ресурса — да.

Он оттолкнулся от косяка и неспешной, бесшумной походкой подошёл к столу. Не садясь, он уперся руками о столешницу, скрестив лодыжки, его поза была одновременно расслабленной и полной скрытой силы. Он смотрел на меня сверху вниз, и я не могла отвести глаз.

В опустошении родилась новая, хрупкая и очень опасная мысль. Вопрос, который был важнее еды, сна или страха.

Я посмотрела на него глаза в глаза. Голос мой был тихим, но в нём не было дрожи. Только ясность отчаяния.

— У меня... никогда не было возможности сбежать? Вообще. Ни в тот первый раз, ни сейчас. Это даже не твоя ловушка. Это... закон этого места.

Кайрос не изменился в лице. Лишь одна бровь поползла вверх на миллиметр.

— О, — протянул он, и в его голосе прозвучала уже знакомая, ядовитая усмешка. — Да ты умнеешь не по дням, а по часам. Свежий воздух на прогулке явно пошёл тебе на пользу. Пробудил мыслительную деятельность.

— Не смешно, — огрызнулась я, и в моих словах снова, впервые за долгое время, проступила живая искра. Искра раздражения.

— Да кто ж здесь смеётся, — парировал он мгновенно, и усмешка исчезла, сменившись серьёзностью. — Возможность? Это иллюзия для тех, кто не видит структуры мироздания. Ты спрашиваешь не о возможности, мышка. Ты спрашиваешь о надежде в мире, построенном на иных законах. Самый бесполезный ресурс. Он только разъедает изнутри. Как ты можешь видеть.

Он кивнул в сторону подноса с холодной едой, в сторону моего отражения в тёмном окне. И повернулся, чтобы уйти.

— Ешь. Угасание — процесс скучный и предсказуемый. А ты... начинала становиться более интересной.

Лорд выпрямился, и его тень снова накрыла меня.

— Где я оказалась? Что это за место? — спросила я прежде, чем он ушел и прежде, чем впала в новое опустошение.

Кайрос развернулся и сел на стол рядом со мной, возвышаясь и скрестив руки на груди так, что рубашка обтянула плечи и мускулы.

— Хочешь понять, где находишься? — спросил он, его взгляд был пристальным, оценивающим. — Твой мир и мой... не всегда были так разъединены. Раньше между нами были не порталы, а просто... двери. Тонкие места. Любой мог пройти туда-обратно, если знал тропу. Мы соседствовали. Иногда торговали. Чаще — враждовали.

Он говорил спокойно, как учёный, пересказывая аксиому.

— Но твои предки испугались. И нашли способ запечатать двери. Наложили печати, замки из веры, страха и грубой магии. Сделали стены между мирами толще. Это не закрыло нас полностью. Но сделало переходы... труднопроходимыми. Для большинства — невозможными.

Пауза повисла в воздухе, густая и значимая.

— Порталы были запечатаны более восьмидесяти лет. Пока... — он посмотрел прямо на меня, и в его взгляде промелькнула искра одержимости, — пока я не нашел способ открыть один из них.

Моё сердце, казалось, остановилось. Картинка понемногу складывалась.

— И ты открыл портал, чтобы прийти и отомстить, — сказала я больше себе, чем ему. — Что сделала моя деревня около века назад? Кого они у тебя забрали? Сирий сказал это была твоя...

Его взгляд почернел, а воздух в комнате упал на несколько градусов. Я выдохнула облачко пара, ожидая его ответа. Часть меня боялась услышать имя женщины, которая была настолько ему дорога, что он отомстил даже спустя столько долгих лет.

— Моя семья, — бросил он холодно. — Мой брат.

Кайрос произнёс это без интонации, но слова прозвучали громче и чётче любого крика. В них не было печали. Была лишь старая, окаменевшая в вечной мерзлоте ярость, затаённая на десятилетия.

А я мысленно выдохнула, сама не понимая, что именно во мне сломалось или... наоборот, встало на место.

— Твои прадеды, — продолжил он, и каждое слово падало, как застрявшая в горле кость, — выманили его в ваш мир обманом. Поймали и устроили суд. Запечатали двери, чтобы я не смог помешать. Я понял слишком поздно.

Он замолчал.

Казалось, сама тьма в комнате сгустилась, впитав в себя эту историю. Не оправдание. Не исповедь. Просто факт. Кровавый камень в фундаменте этого замка, этой ненависти.

— Теперь ты знаешь, — заключил он, поднимаясь.

Его фигура снова казалась нечеловечески высокой, отбрасывая длинную, чёрную тень, которая накрыла и меня, и стол, и холодный ужин.

— Ты спрашивала, где ты. Ты — в долгу. В отголоске чужой мести. В искуплении смерти моего единственного брата. — Он оттолкнулся от стола и пошел в направлении к двери. — Ешь. Или не ешь. Но перестань угасать. Мне не нужен призрак.

Кайрос вышел, оставив дверь открытой.

Я осталась одна. Но пустота в комнате была уже другой. Она была заполнена не бессилием, а тяжёлым знанием. Я была не случайной жертвой. Я была звеном в цепи — звено за звеном сотканной из страха, жестокости и мести. Моя деревня, моё непослушание, моя кровь — всё это было частью уравнения, которое он решал задолго до моего рождения.

Я медленно потянулась и взяла ложку. Металл был ледяным. Я зачерпнула остывшее рагу и поднесла ко рту. Оно было безвкусным, как глина.

Но я проглотила. Потом ещё. И ещё.

Это был не акт покорности. Это был обет.

Что это за место? Каким законам оно подчиняется?

Почему люди схватили вампира? И, что важнее, как?

Что-то в его истории не сходилось.

Если лорд не хочет давать ответы, я найду их сама. Я откапаю записи вековой давности и выдерну правду на свет, как гнилой зуб.

А пока, отправлю каждый миг его вечного существования. Он будет тосковать по дням своей скучной, беспрекословной власти.

Если я — ответ, то я буду не тихим эхом, а громким, неудобным, живым вопросом.

Если я — искупление, то не божественное, а дьявольское.

Пусть ненависть, построившая эту клетку, сквозь века дышит мне в спину. Я сломаю челюсти этой истории, даже если для этого придётся сжимать свои зубы.

Ложка стукнула о пустую тарелку. Звук был тихим, но в звенящей тишине он прозвучал как первый удар по наковальне.

Начиналась новая работа.

Работа по выковыванию меча правды из звеньев собственных цепей.

Глава 18. Уроки пепла и яда

Сон не просто пришёл, он навалился, сбил с ног и утащил на дно беспомощности. Перед этим несколько часов я провела в изнурительной борьбе не с мыслями, а с собственным телом.

Озноб, пробирающий до самых костей, заставлял зубы выбивать дробную, неумолимую чётку, даже под горой тёплых одеял, в просторной, но промозглой спальне. Высокие потолки терялись в тенях, а от столов из черного дерева веяло холодом. Потом его сменяли приливы жара, когда казалось, будто под кожей ползают раскалённые иглы, выжигающие каждый нерв. Лоб покрывался ледяной, липкой испариной. Это был не грипп.

Это было отравление.

Отравление чужим ядом, что крутился в моей крови с того самого укуса в лунном саду, безжалостно напоминая: мой организм больше не принадлежит только мне.

Именно на этом гребне лихорадки, когда граница между реальностью и бредом истончилась до паутинки и вот-вот должна была порваться, сознание и отпустило меня. Я провалилась в сон, который был ярче, острее и реальнее, чем тёмные стены этой комнаты.

Я стояла на краю поляны в незнакомом, молчаливом лесу. Цвета вокруг были приглушёнными, выцветшими, как на старой, потрескавшейся гравюре. Воздух пахнул дымом и тмином — горьким, лекарственным запахом, который почему-то успокаивал жар в моих жилах. А передо мной, у низкого, грубо сколоченного дома из тёмного, почерневшего от времени бруса, сидели трое.

Мужчина в чёрных, чистых, но поношенных одеждах, похожих на рясу. Рядом с ним — двое детей. Девочка лет десяти с двумя тугими соломенными косами и мальчик чуть младше, с серьёзными, не по-детски сосредоточенными глазами. В их чертах было что-то неувлимо знакомое, щемящее, как далёкое, забытое эхо собственной крови.

Я была незримым свидетелем, бесплотным призраком у чужого очага, а моя собственная, физическая дрожь, казалось, вибрировала в такт его суровому голосу.

— Повтори, Лия, — сказал он. Голос был низким, пропахшим дымом и усталостью, но в нём вибрировала несгибаемая сталь. — Для чего дан нам дневной свет?

— Чтобы трудиться в поте лица своего, отец, — чётко, почти механически ответила девочка.

— И?

— И чтобы он же жёг их, — резко добавил мальчик, не дожидаясь своей очереди. В его взгляде вспыхнул тлеющий уголёк. — Нечисть. Тварь ночную. Она не выносит солнца Господня.

Мужчина — отец — медленно кивнул, и тень от поленьев в костре легла на его иссечённое морщинами, словно вырубленное из дуба лицо.

— Верно, сын мой. Но солнце заходит. И тьма приходит. Не всегда в обличье простой ночи. Она ходит на двух ногах. Говорит льстивыми речами. Манит в чащу сладкими посулами. Как тогда?

Он взял с колен тяжёлую, потрёпанную книгу в кожаном переплёте, стёртом до белизны на углах. Я не видела названия, но почувствовала, как от неё веет непримиримым страхом — холодным и расчётливым, как лезвие.

— Слово, дети. Слово и вера — кольчуга для души. Без них ты голый перед их силой. Они слышат трепет сердца, как волк слышит сердце зайца. Чуют страх за версту. Потому страх нужно изгнать в корень. А изгоняют его знанием. И молитвой.

Мужчина открыл книгу, и его пальцы, грубые и узловатые от работы, легли на пожелтевшую, хрупкую страницу.

— *Слушайте и впитывайте. Это не просто слова. Это стены вашего дома. «И восстанут мертвецы в подобии живых, но духа в них не будет, лишь жажда чуждой жизни...»*

Он читал, а я слушала, и странные, архаичные слова впивались в память, будто выжигались там раскалённым железом. Он учил их не молитве о спасении, а... наставлению для охоты. Как отличить пустующий дом от логова. Как по запаху тления и гнетущей тишине распознать присутствие нежити. Как сплести оберег из зверобоя и чертополоха. Как чертить на пороге соляную линию, которую не переступит «ничто, лишённое Божьей искры».

— *Они сильнее и быстрее, — голос отца опустился до опасно-тихого, свистящего шёпота. — Их нельзя победить в честном бою. Честность — для людей. Против тварей нужны хитрость, знание и превентивный удар. Если узнал гнездо — не жди, пока из него выползет змея. Выкуривай. Запечатывай. А если представится случай... уничтожай. Без сожаления.*

Мальчик зажгёт в глазах мрачный, жадный огонёк. Девочка, Лия, сжала маленькие руки в кулачки, её губы беззвучно повторяли заученное, лицо было бледным и непроницаемым.

Он учил их не бояться. Учил ненавидеть. Учил готовить обереги, читать молитвы, которые звучали как заклинания на незнакомом, но почему-то понятном мне языке. Слова впивались в воспалённое сознание, будто в раскалённый воск, отливаясь в чёткие, неизгладимые формы.

Потом сон начал плыть, закручиваясь водоворотом. Картинки сменились, как страницы, рвущиеся в вихре.

Я увидела тот же дом, но теперь его окружало кольцо людей с факелами. Не испуганных крестьян, а мужчин в тёмных кафтанах, с суровыми, словно вытесанными из камня лицами. Слышались отрывистые команды, глухой звон железа.

Отец стоял в дверях, широко раскинув руки. Он заслонял собой юную девушку, которая, рыдая, вцепилась в его одежду. Её пианичные волосы, собранные в косу-корону, растрепались. А перед ними... перед ними на земле лежало нечто бледное, почти недвижимое, туго завернутое в грубый, пятнистый холст.

И снова прозвучали те странные слова, но теперь, как грозное, неумолимое заклинание, сливающееся в единый гул с голосами мужчин. Было ощущение не триумфа, а ужасающей, тяжёлой, как свинец, необходимости. И ещё едкий запах горячей серы и... полыни. Тот самый, что щекотал ноздри и в моей реальности, горько смешиваясь со вкусом пота и болезни.

Голова пошла кругом, реальность сна закрутилась воронкой, и я очутилась в сырой, тесной пещере. Влажный камень давил со всех сторон. Напротив, прикованный к стене цепями, сидел мужчина со светлыми волосами. Его измождённые руки были прибиты к камням толстыми, ржавыми гвоздями.

Он медленно поднял голову, и мое сердце остановилось.

Его глаза... такие же глаза цвета тёмного янтаря, что преследовали меня в кошмарах наяву, но теперь, тусклые, потухшие, наполненные бездонной, немой мукой.

Что-то в глубине моей груди треснуло с сухим, болезненным хрустом. Я закричала беззвучным, разрывающим глотку криком и бросилась вперёд, к пригвождённому телу...

Я вырвалась из сна с воплем, застрявшим в горле клубком колючей проволоки. Рванулась так резко, что одеяло слетело на пол с глухим шлепком. Сердце колотилось бешено, отчаянно, пытаясь выбить себе путь из грудной клетки. Ледяные струйки пота стекали по позвоночнику, моментально пропитывая тонкую ночнушку, отчего та прилипла к коже холодным саваном.

Я сидела, сгорбившись, дрожа мелкой, неконтролируемой дрожью, и судорожно ловила ртом воздух, которого всё не хватало. Пыталась отдышаться, обхватив себя за плечи. Горло пересохло и горело, а на языке стоял горький, въедливый привкус. Тот самый, из сна, полынь и пепел.

«Лихорадка, — попыталась убедить себя я, прижимая ледяные ладони к пылающим вискам. — Просто галлюцинации. От этого проклятого яда в крови. Ничего более».

Но это было слишком цельно.

Слишком логично в своей чудовищной, железной логике. Обрывки молитв-заклинаний всё ещё звенели в ушах, ясные и чёткие, как отчеканенные на металле. Я помнила каждую морщину на суровом лице того мужчины, жадную решимость в глазах мальчика, тихую, леденящую сосредоточенность девочки Лии.

Я сползла с кровати и, пошатываясь, будто пьяная, подошла к кувшину с водой на тяжёлом комод. Руки тряслись так, что вода расплескивалась, оставляя мокрые круги на тёмном дереве. Вода была прохладной, но не смогла сбить тот внутренний жар, что пылал теперь уже не только от болезни, но и от ужасающего прозрения. Глядя на своё бледное, осунувшееся, чужое отражение в тёмном окне, я прошептала в стекло, запотевшее от моего прерывистого дыхания:

— Что-то в его истории не сходится.

Теперь у этих слов был вкус. Вкус полыни, страха и старой крови.

И образ.

Что, если те, кого Кайрос с презрением называет моими прадедами, не были простыми испуганными крестьянами? Что, если они были... охотниками? Теми, кого с пелёнок учили не бояться, а выслеживать и уничтожать? Кого вооружали не вилами и серпами, а знанием, молитвами-заклинаниями и беспощадной, выжженной в душе решимостью?

Ледяная, острая струйка, тоньше лезвия, пробежала по всему позвоночнику. Моя рука сама потянулась к кулону на шее — бабушкиному подарку, простой трёхконечной звезде в серебре. Металл, обычно тёплый от тела, сейчас был холодным. Он внезапно показался мне не просто украшением.

А знаком.

Наследием. Возможно, опознавательным знаком.

Если это не бред...

Если это какая-то наследственная память, вытасенная на поверхность чужим ядом и собственным отчаянием...

Тогда его брат стал жертвой не слепого крестьянского суеверия. Он попал в расставленную охотниками ловушку. Моими предками. А значит, месть Кайроса была не слепой яростью чудовища. Это был акт возмездия в затяжной, тихой, безжалостной войне, о которой я ничего не знала. Войне, где мои предки были не жертвами, а солдатами. А его брат — возможно, не мирным гостем, а разведчиком, добычей или... целью возмездия.

Это открытие не принесло облегчения. Оно обрушилось на плечи новой, невыносимой тяжестью. Грузом крови и долга.

Я не знала, правда ли это. Но яркий сон посеял в душе ядовитое и колючее, но живое семя сомнений.

За окном по-прежнему висела чужая, бесконечно длинная ночь, но внутри меня что-то перевернулось и встало на новые, страшные рельсы. Страх смешался со жгучим, почти самоубийственным любопытством и странным, щемящим чувством... причастности. Я была не просто случайной пленницей в чужой древней истории мести.

Я была наследницей своей собственной.

Наследницей и долга, и вины, и знаний, которые могли оказаться единственным ключом не только к пониманию прошлого, но и к моему собственному выживанию в этих каменных стенах.

Озноб снова пробежал по телу, но теперь он был смешан не только с лихорадкой, но и с кристально-ясным осознанием. Я не просто должна была выжить. Я должна была докопаться. До самой чёрной, сокрытой сердцевины этой тайны.

И начинать нужно было с пыльных, запретных полок библиотеки Кайроса. Не той парадной, где лежали фолианты по этикету и истории искусств. А с той, потаённой, куда он, возможно, складывал свои трофеи и архивы врагов. Там, в полумраке за печатью молчания, могла ждать правда.

Или следующая, смертельная порция яда для моей и без того отравленной крови.

Глава 19. В недрах правды

Свет, пробивавшийся сквозь тяжёлые шторы, был не солнечным, а тем серым, размытым сиянием, что обычно предвещает рассвет. Но не в этом месте. Меня ожидали только вечные сумерки.

Я лежала и прислушивалась к своему телу. К той тишине внутри, что была красноречивее любой боли. Не было того леденящего до костей озноба, не было и изматывающих приливов жара. Была лишь глубокая, опустошающая усталость, будто после долгого и трудного перехода через горы.

И голод. Тупая, навязчивая пустота в желудке, которая наконец-то пробилась сквозь стену тошноты и отвращения.

Это была победа.

Маленькая, личная, но победа.

Я заставила себя подняться. Ноги были ватными, но держали. На столе, куда служанка принесла завтрак, лежал ломоть тёмного, плотного хлеба, сырная нарезка и кувшин с водой. Вчера и позавчера я бы лишь содрогнулась от одного вида. Сегодня я села, взяла хлеб. Он пах... просто хлебом. Зерном, немного подгорелой коркой. Не трупной гнилью, не медью, не полынным ядом снов. Я отломала кусок, положила в рот. Жевала медленно, механически, ожидая привычный приступ отвращения.

Но он не пришёл. Глотать было тяжело, горло будто забыло, как это делать, но это было просто физическое неумение, а не реакция на отраву. Я запила водой. Она была прохладной, чистой, без привкуса болота и крови.

Значит, тело исцеляется.

Не его яд постепенно отпускает меня. Это я постепенно вытесняю его. Выжигаю своим упрямством.

Съев весь ломоть и выпив два кубка воды, я почувствовала не просто сытость, а нечто большее: твёрдую почву под ногами. Опору.

Я справилась.

Ничто не сломит мою волю. Ни его яд, ни его насмешки, ни этот проклятый замок.

Эта мысль горела во мне тлеющим углём, давая не тепло, а решимость. Пора переходить от пассивного выживания к поискам.

Библиотека. Мне нужна была его библиотека, его личное хранилище. Где он хранил свою историю. И мою.

Я провела остаток утра в притворной слабости, копя силы и наблюдая. Замок Кайроса был не похож на тёплые, шумные поместья из моих детских книг. Это была каменная громада, полная длинных, слабо освещённых коридоров, ответвляющихся лестниц и неожиданных анфилад комнат. Воздух везде пах старым камнем, воском и слабым, едва уловимым ароматом увядших роз и... холодного металла. Слуги перемещались бесшумно, словно тени, появляясь и исчезая по своим делам. Их боязливые взгляды скользили мимо меня, ни на чём не задерживаясь. Страх делал их слепыми, идеальными союзниками для незваного гостя.

Мой план был прост до безрассудства. Я вспомнила, в каком крыле замка он появлялся чаще всего по вечерам, до своих ночных «прогулок». Там должны были быть его личные покои. И если есть кабинет или библиотека... Логика подсказывала: он предпочтёт уединение и высоту.

Башню.

Одна из боковых лестниц, узкая и крутая, вела наверх. Она была темнее других, и факелы здесь горели реже. Я поднялась, прижимаясь к холодной стене, каждый нерв напряжён, как струна. Сердце глу

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.